

СЕМЕЙНЫЙ АПОКАЛИПСИС II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Толстых

Андрей Толстых

Семейный Апокалипсис 2

«Автор»

2026

Толстых А.

Семейный Апокалипсис 2 / А. Толстых — «Автор», 2026

Шесть тысяч километров позади. Они думали, что самое страшное осталось там, на трассах. Но настоящий кошмар начался, когда они узнали родные места такими. В городе, где прошло их детство, больше нет безопасных мест. Здесь каждый звук – это угроза, а каждый выживший – либо враг, либо приманка. Им придется пересмотреть всё, что они знали о выживании. Ведь бороться за жизнь в незнакомой пустоше – одно, а видеть, как гибнет твой собственный дом – совсем другое. Семья – единственное, что осталось. Но выдержит ли эта связь удар предательства и отчаяния?

© Толстых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Толстых

Семейный Апокалипсис 2

Семейный Апокалипсис 2

Глава 1

Валентин с трудом добрался до работы. Маршруток сегодня было на удивление мало – он простоял на остановке почти тридцать минут, прежде чем одна из них всё же подъехала. В салоне было пусто, только двое пожилых людей сидели у заднего окна и молча смотрели в одну точку. Обычно в это время маршрутки ломались от пассажиров, люди толкались, ругались, спешили. Сегодня город казался вымершим. Валентин смотрел в окно и видел пустые улицы, закрытые магазины, брошенные машины. Город, который он знал с детства, выглядел чужим и враждебным. Он не узнавал его. Всё было знакомым, но каким-то неправильным, как будто кто-то выключил звук в привычном ему мире.

Он вышел на вокзале. Здание вокзала обычно было центром жизни – люди с чемоданами, встречающие, провожающие, вечно спешащие пассажиры, шум, гул голосов, объявления по громкой связи. Сейчас там было пусто. Двери были открыты, но никто не входил и не выходил. Валентин на мгновение задержался, взглядывая в тёмный проём, но ничего не увидел. Только тишина и запах пыли. Он подумал о том, сколько раз он проходил мимо этого здания, сколько раз видел эти двери открытыми, и никогда не задумывался о том, что однажды они могут стать такими пустыми.

Он направился к знакомому зданию почты. Отделение, где он работал начальником уже много лет, выглядело как обычно – серое, невзрачное, с облупившейся краской на входной двери. Но что-то было не так. Слишком тихо. Слишком пусто. Обычно у дверей уже стояла машина с посылками. Сегодня никого. Валентин подошёл к двери, нажал на ручку. Дверь оказалась заперта. Он постучал. Тишина. Он постучал снова, сильнее, и через минуту изнутри послышались шаги.

Катя уже ждала его на входе. Она стояла, прислонившись к стене, и нервно теребила ремешок сумки. Увидев брата, она облегчённо выдохнула и шагнула ему навстречу. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени. Она выглядела так, будто не спала всю ночь.

– Валя, слава богу, – сказала она, и в её голосе послышалось облегчение. – Я уже думала, что ты не приедешь. Я стояла здесь и думала: если он не придёт, мне придётся идти домой одной. А я боюсь. Как-то беспокойно сейчас.

– Еле доехал, – ответил он, оглядываясь по сторонам. – Маршруток почти нет. Я простоял тридцать минут. Ты как добралась?

– С Домны автобусы ещё ходят. У нас там спокойнее. Военных правда море. Но лучше так, чем толпы заражённых.

– Зайдём, – сказал он, тревожно оглядываясь. – Там хотя бы стены.

Они прошли в служебное помещение. Внутри было тихо и пусто. Обычно здесь царил привычный рабочий шум: стучали клавиши, звонили телефоны, переговаривались сотрудники, пахло кофе и бумагой. Сегодня стояла такая тишина, что было слышно, как гудит старый холодильник в углу. Из сотрудников пришли только трое – двое мужчин и женщина. Все сидели молча, поглядывая друг на друга с настороженностью. Один из мужчин нервно постукивал пальцами по столу, женщина сжимала в руках пустую кружку, словно ища в ней утешение. Второй мужчина сидел у окна и смотрел на пустую улицу.

– Доброе утро, – сказал Валентин, проходя в комнату. – Я не думал, что кто-то ещё придёт. Признаться честно, думал, что отделение будет закрыто.

– Мы тоже сомневались, – ответил один из сотрудников, мужчина лет пятидесяти с сединой на висках. – Но подумали, что вдруг работа будет. Да и надо же как-то держаться. Не сидеть же дома в четырёх стенах. Когда вокруг всё рушится, надо делать хотя бы то, что привык. Чтобы не сойти с ума. Моя жена говорит, что я дурак, что надо было остаться дома. Но я не могу просто сидеть и ждать.

– Думаешь, нам заплатят больше за то, что мы даже в такие времена на работе? – спросила Катя.

Все смотрели на неё с тем же напряжением, что было в их глазах с самого утра.

Валентин посмотрел на сестру, потом на остальных. Сотрудники выглядели растерянными, почти испуганными. Он видел это в их глазах – тот же страх, который чувствовал сам. Страх перед неизвестностью. Перед тем, что пришло в их город.

– Не уверен, что нам вообще заплатят, – ответил он честно. – Судя по тому, что происходит, сегодня у нас внеплановый выходной. Зря я сюда приехал. Наверное, надо было послушать маму. Она просила меня остаться дома. Говорила, что это не просто новости, что всё серьёзно. А я не послушал.

– Тут ты прав. У неё чуйка, раз сказала не ходить, стоило остаться. Я с тобой заеду, а то давно не навещала её, а потом с Десятки домой.

– Что будем делать? – спросила женщина, та самая, что сжимала пустую кружку. – Сидеть здесь или расходиться по домам? Просто официально выходной не объявляли.

Валентин хотел ответить, но в этот момент откуда-то с улицы послышались выстрелы. Один. Второй. Третий. Короткие, сухие, похожие на хлопки, которые разрывали тишину, как ножом по стеклу. А потом ещё два. Четыре.

Все замерли. Тишина повисла в комнате, нарушаемая только гулом холодильника и тяжёлым дыханием людей. Валентин почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он переглянулся с Катей, и в её глазах он увидел тот же вопрос: «Что это?» Он посмотрел на сотрудников – все смотрели на него, ожидая решения.

А потом словно по команде они рванули к выходу. Валентин выбежал первым, Катя следом. Остальные сотрудники не отставали. Женщина даже уронила свою кружку, и та разбилась о пол, но никто не обернулся. Все бежали к выходу, не понимая, зачем.

– Вы чего? – крикнула женщина на бегу. – Куда вы? Там стреляют! Надо прятаться!

– Надо понять, что происходит! – ответил Валентин, хотя сам не до конца понимал, зачем они это делают. Любопытство, инстинкт – он не знал. Но ноги несли его вперёд.

Они выбежали на улицу и замерли. Прямо перед ними, на асфальте, лежало тело мужчины. Он был в простой куртке, на голове – старая кепка. Лицо его было бледным, глаза открыты, смотрящие в никуда. Вокруг уже начали собираться редкие прохожие – несколько человек стояли на почтительном расстоянии, кто-то закрывал лицо руками, кто-то просто смотрел в ужасе. И тут они заметили полицейского с пистолетом, который стоял над телом. Он услышал, как открылась дверь, и резко обернулся. В тот же момент он прицелился в них.

Все замерли. Валентин затаил дыхание и машинально поднял руки. Катя вскрикнула, но тоже подняла руки вверх. Остальные сотрудники сделали то же самое. На несколько секунд воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая только далёким воем сирены где-то на другом конце города.

– Мы здоровы! – крикнул один из сотрудников почты, тот самый мужчина с сединой. – Мы просто работники почты, всё в порядке! Мы не заражённые! Мы не больны!

Полицейский опустил пистолет. Валентин смотрел на него и не мог поверить своим глазам. На лице полицейского была такая усталость, что казалось, он не спал несколько дней. Глаза красные, лицо осунувшееся, на щетине – пятна грязи. Форма была грязной, на рукаве – тёмное пятно, похожее на кровь. Он опустил оружие и на секунду прикрыл глаза, словно собираясь с силами. Когда он открыл их, в них была пустота.

– Уверен, что почты сегодня не будет, – сказал он, открывая глаза. Голос его был хриплым, как будто он кричал всю ночь. – Отправляйтесь по домам и не выходите, пока не будет сообщения по всем каналам, что эпидемия закончена. Разве что за продуктами. Не дальше.

– А что случилось? – спросила Катя, её голос дрожал. – Мы слышали выстрелы... Мы не знаем, что происходит. По телевизору показывали что-то, но мы не поняли...

– Вирус, – коротко ответил полицейский. – Заражённые. Вы их видели, наверное, по телевизору. Но это не то, что показывали в новостях. Это гораздо хуже. Они не чувствуют боли, их не остановить, пока не повредите мозг. Если увидите такого – бейте в голову. И вот ещё что, вооружитесь чем-то перед тем, как идти домой. Хоть палкой, хоть ножом. Этого добра там, откуда я пришёл, полные улицы.

– Но мы простые сотрудники, у нас нет оружия, – сказала женщина, её голос дрожал. – Что нам делать, если мы встретим такого? У нас даже ножа нет.

– Найдите. В любом офисе есть что-то тяжёлое. Металлическая линейка, ножницы, что угодно. Это лучше, чем ничего. И не стойте на месте. Если видите, что кто-то идёт к вам странной походкой – бегите. Или бейте. Но не дайте ему себя укусить.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Валентин смотрел ему вслед и пытался переварить услышанное. Всё это казалось нереальным, как сцена из фильма ужасов, которая разыгрывается прямо перед глазами. Он смотрел на тело на асфальте, на кровь, которая уже начала темнеть, и не мог поверить, что это происходит в его городе, в его жизни.

– Вы слышали, что он сказал? – спросил он, поворачиваясь к сотрудникам. – Мы должны вооружиться. И идти домой.

– Да, Валентин Петрович, – ответила одна из сотрудниц. – Он сказал, чтобы мы расходились по домам. И вооружились. Но чем? У нас здесь из оружия только ножи канцелярские да ножницы.

– Тогда просто расходимся, – сказал Валентин. – Быстро. Без паники. Дорогу домой постарайтесь не нарываться на проблемы. Если увидите заражённого – бейте в голову. Вски, чем можно. Палки, камни, что угодно.

– А если нас остановят? – спросил один из мужчин. – Если будут бандиты?

– Защищайтесь, если хотите жить. Это всё, что я могу вам посоветовать. – ответил Валентин.

Сотрудники быстро разошлись по домам, оставив Валентина и Катю у здания почты. Они стояли на крыльце и смотрели на пустую улицу, где всё ещё лежало мёртвое тело.

– Зайдём внутрь, – сказал Валентин. – Надо подумать, что делать дальше. И найти что-то, чем можно защититься.

Они вернулись в помещение. Валентин прошёл в кабинет, открыл ящик стола. Там лежали старые степлеры, ножницы, тяжёлая металлическая линейка. Он взял линейку, взвесил в руке. Не оружие, конечно, но лучше, чем ничего. Катя нашла в ящике кухонный нож, который кто-то забыл после обеда.

– Лучше, чем ничего, – сказала она, сжимая нож в руке.

– Я знаю, что это не оружие, – сказал Валентин. – Но выбора у нас нет. Мы должны добраться до дома.

Он прошёл на кухню, заварил кофе. Он налил две кружки, одну передал сестре. Они сели за стол и долго молчали. Кофе остывал, а они не прикасались к нему. Валентин смотрел в окно, где пустела улица, и думал о том, что мир изменился за один день. За одно утро. Он думал о том, как всего вчера он сидел с Саней, смотрел телевизор, пил чай и думал, что всё это где-то далеко.

– Ты как? – спросил он наконец.

– Мне страшно, – ответила Катя честно. – Я не думала, что это так близко. Сначала по телевизору казалось, что это всё не у нас. А теперь это здесь. Это на нашей улице, Валя.

– Я тоже видел. И мне тоже страшно. Но мы должны добраться до дома. Мама ждёт. Она, наверное, уже места себе не находит. Ты же знаешь её – она будет сидеть у окна и смотреть на улицу, пока мы не вернёмся.

– Ты прав. Надо возвращаться.

Они допили остывший кофе и поднялись. Валентин закрыл кабинет, проверил, всё ли заперто. Катя стояла у двери, сжимая нож в руке.

– Такси не вызывать – связи нет, – сказал Валентин. – Маршрутки почти не ходят. Троллейбусы, говорят, ходят, но редко. Может быть, попробуем пойти пешком до другой остановки и сесть там на троллейбус. До ТРЗ доедем, а там до дому недалеко. Придётся пройти ещё минут двадцать, но это лучше, чем торчать здесь.

Они вышли из помещения и закрыли дверь. Валентин оглянулся по сторонам. Вокзал был пуст. Обычно здесь толпились люди, но сейчас стояла мёртвая тишина. Только ветер дул в лицо и гнал по асфальту бумажки.

– Пойдём, – сказал он. – Не будем здесь стоять.

Они пошли по улице, держась ближе друг к другу. Валентин напряжённо вглядывался в каждый тёмный угол, в каждую подворотню. Всё было спокойно. Почти слишком спокойно. Но тишина казалась обманчивой. Он слышал, как где-то далеко снова раздалась выстрелы, но они были дальше, чем раньше.

– Похоже, стреляют рядом, – сказала Катя. – Надеюсь на Десятке поспокойнее.

– Тихо, – ответил Валентин. – Сейчас везде может быть опасно.

Они дошли до остановки, где уже стояло несколько человек. Все выглядели напряжёнными. Люди не разговаривали, просто смотрели по сторонам и молчали, как будто боялись привлечь внимание. Катя сжала руку брата, и он почувствовал, как сильно дрожат её пальцы.

– Смотри, – шепнула она, кивая в сторону тротуара.

Откуда-то из-за поворота, пошатываясь, шёл мужчина. Он был в грязной одежде, с расчёпанными волосами, шёл странной, неуверенной походкой, как будто земля под ним была зыбкой. Валентин напрягся. Катя сжала его руку сильнее. Ещё пара человек на остановке заметили приближающуюся фигуру и тоже начали напряжённо вглядываться.

Когда мужчина подошёл ближе, Валентин почувствовал характерный запах. Волна перегара окутала всех на остановке, и часть напряжения спала.

– Алкаш, – выдохнула Катя. – Просто пьяный. Слава богу.

Мужчина подошёл прямо к Валентину и остановился, пошатываясь. Его глаза были мутными, но в них была какая-то странная надежда.

– Помоги на дорогу хорошему человеку, – заговорил он заплетающимся языком. – А я за тебя свечку поставлю. Сразу вижу, человек ты хороший, дай бог тебе здоровья. Войди в понимание. Сердце у тебя чистое, доброе. Не оставишь в беде.

Валентин посмотрел на мужчину. Тот был сильно пьян, но в его глазах была какая-то искренняя мольба. Он подумал о том, что этот человек, возможно, ещё не знает, что происходит. Что он вышел из дома, как обычно, и не понимает, что мир изменился.

– Денег не дам, – ответил Валентин. – Но могу купить билет на троллейбус, если хочешь. Поедешь?

Лицо мужчины мгновенно исказилось. Глаза из молящих стали злыми, и он разразился гневной тирадой, которая была слышна всей остановке:

– Да пошёл ты! Жмот! Чтоб тебе самому только на троллейбус и хватало! Чтоб тебя женщины не любили никогда! Чтоб дети твои трижды в первый класс ходили! Тыфу на тебя!

Он плюнул на землю и отвернулся. Валентин покачал головой. Он хотел сказать что-то ещё, но Катя уже не смотрела на него. Она смотрела на другую женщину, которая стояла на тротуаре в нескольких метрах. Она выглядела ещё менее презентабельно, чем попрошайка

– грязная, с растрёпанными волосами, в рваной одежде. Она стояла неподвижно, смотрела в одну точку, и её голова была наклонена под странным углом.

– Валя, – прошептала Катя. – Валя, смотри.

Валентин перевёл взгляд. Женщина стояла, слегка покачиваясь, как маятник. Её руки безвольно висели вдоль тела, лицо было бледным, глаза – мутными. Она смотрела на пьяного мужчину, который всё ещё стоял, отвернувшись, и ругался.

Валентин открыл рот, чтобы предупредить мужчину, но было поздно. Женщина внезапно рванула вперёд с неестественной скоростью и вонзилась зубами в плечо пьяного. Тот закричал, попытался оттолкнуть её, но она держала его мёртвой хваткой. Кровь хлестнула на асфальт.

Катя вскрикнула от страха, прикрыв рот рукой. Валентин замер, глядя на эту сцену. Он видел, как женщина вгрызается в плечо, как мужчина пытается вырваться. Видел кровь, которая текла по его куртке. И всё это происходило в нескольких метрах от них.

– Ё-моё, – скромно прокомментировал он, так как материться матом он не привык. – Это она. Это заражённая.

– Чувствую, от ТРЗ нам лучше пробежаться, – сказала побледневшая Катя.

– Согласен, – ответил Валентин, всё ещё в шоке от увиденного. – Надеюсь, троллейбус приедет быстро. Если не приедет – пойдём пешком. Но стоять здесь нельзя.

В этот момент подъехал троллейбус. Валентин и Катя зашли внутрь, и водитель сразу же тронулся с места, даже не дождавшись, пока они сядут. Валентин сел у окна и смотрел, как остановка исчезает за стеклом. Он видел, как пьяный мужчина упал на землю, как женщина склонилась над ним. Он видел кровь на асфальте. И он знал, что это только начало. Город падал, и они были в центре этого падения.

Троллейбус набирал ход, оставляя за спиной разворачивающийся кошмар. Валентин сжал кулаки и посмотрел вперёд. Он знал, что будет трудно. Он знал, что впереди у них тёмная полоса и дорога домой, не самое страшное, что их ожидает.

Глава 2

Саня быстро и без происшествий добрался до объекта. Утро в Чите встретило его привычным холодом и серым небом, но что-то было не так. Обычно в это время на улицах уже кипела жизнь – спешили на работу люди, гудели машины, где-то играла музыка из открытых окон. Сегодня было пусто. Только ветер гнал по асфальту бумажки, и редкие прохожие, опустив головы, торопливо шли по своим делам. Саня добирался на работу пешком. От дома было недалеко. Город, который он знал с детства, выглядел чужим и пугающим.

Мысли были заняты тем, что происходило в мире. По телевизору показывали новости о вирусе, о беспорядках в Москве и Питере, о толпах заражённых, которые сметали всё на своём пути. Саня не верил до конца – он всегда был скептиком. Но что-то в этих новостях было по-настоящему тревожным. Даже он, привыкший ко всему относиться с лёгкостью, чувствовал, что мир меняется. Он думал о матери, которая просила его остаться дома, о брате Валентине, который, наверное, уже добрался до работы и теперь сидит там в пустом офисе. О том, что всё это может быть серьёзнее, чем он думал.

Добрался он быстро. Стройка, на которой он работал последние несколько лет, выглядела как обычно – бетонные блоки, кучи песка, недостроенные стены. Но тишина была непривычной. Обычно здесь с утра уже гремели перфораторы, ругались рабочие, гудели лебедки. Сегодня стояла такая тишина, что было слышно, как ветер свистит в арматуре. Ни звука, ни движения. Только вороны кружили над недостроенным зданием и каркали, как будто предвещая беду. Саня зашёл во двор и направился к бытовке. На крыльце его ждал Тоха – тучный лысый мужик лет сорока, с добрыми глазами и вечной улыбкой на лице. Они познакомились ещё в детстве, когда Тоха сбежал из детского дома, а Саня подобрал его на улице. С тех пор они были не разлей вода. Тоха жил у них какое-то время, пока не встал на ноги, а потом они вместе работали, вместе гуляли, вместе попадали в неприятности. Он был для Сани больше чем другом – он был братом, не по крови, а по сути.

– Ну, здорово, братан, – сказал Тоха, протягивая руку. – Думал, ты не приедешь сегодня. Я уже собрался уходить, думаю, если тебя нет, значит, ты решил остаться дома. А ты всё-таки приперся.

– Куда я денусь? – ответил Саня, пожимая его ладонь. – Тут работа, аванс хороший заплатили, не могу подвести людей. Мужики тут, а я дома буду отсиживаться? Нет, так не пойдёт.

Тоха усмехнулся, но в его глазах была тревога. Он оглянулся на пустую стройку и почесал лысину.

– Да нет тут никакой работы, Саня. Проект временно заморожен. Хозяин дома на связь не выходит, и пока не понятно, к чему это идёт. Все разбежались. Я единственный, кто остался. Думал, может, ты что-то знаешь. А ты, я смотрю, ничего не знаешь.

– Да откуда? – пожал плечами Саня. – Я сам только из дому. Мать чуть с ума не сошла, просила остаться. Говорит: «Санечка, не ходи, там опасно, по телевизору говорят». Но я же не могу, сам знаешь. Я не могу сидеть и ждать, пока что-то случится. Тем более если за аванс платят, надо отрабатывать.

Тоха кивнул и посмотрел на пустую стройку. Ветер гонял по площадке пыль, где-то хлопала незакрытая дверь бытовки. Всё выглядело заброшенным и безжизненным, как будто люди просто испарились.

– Наверное, надо расходиться по домам, – сказал Тоха. – Я слышал, что в городе уже неспокойно. Говорят, заражённые появляются прямо на улицах. Полиция не справляется. Мне один знакомый из участка звонил, сказал, что весь город перекрывают, военных вызывают. Саня, может, правда, поедем домой, пока не поздно?

– Да ладно, – отмахнулся Саня. – Всё это паника. Журналисты раздувают, как всегда. Ты же знаешь, они любят страшилки.

– Не знаю, братан. Что-то мне сегодня не по себе. Да и здесь никого нет, смысл сидеть? Пошли отсюда. Там видно будет.

Саня задумался. Домой ему не хотелось – там мама скажет: "я же говорила" и будет права. Начнёт рассказывать, что нужно, а что нет. А он не любил, когда его учили жизни, даже если мать была права. Но и сидеть на стройке, где никого нет, тоже не хотелось. И тут его осенило.

– Слушай, Тоха, – сказал он, хитро прищурившись. – А может, того... махнём в одно место? Ну, ты понял.

Тоха нахмурился, но в его глазах мелькнула искра интереса.

– Куда это? Ты о чём?

– В казино. Я знаю одно, недалеко отсюда. Частный дом. Народу немного, но там всегда есть, где развернуться. Да и кого сейчас волнуют законы? Полиции нет, всем всё равно, а там деньги крутятся. Мы сегодня можем хорошо подняться, Тоха.

Тоха посмотрел на него с сомнением. Он знал Санину страсть к азартным играм, знал, что тот иногда мог перегнуть палку. Но и сам он не прочь был рискнуть.

– Саня, может, не надо? Я слышал, там нечестно играют. И охрана серьёзная. А если что? А если мы проиграем всё?

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. – усмехнулся Саня. – Ты же знаешь, я везучий. И потом, ты сам сказал: работы нет. Что нам делать? Домой сидеть и бояться? Я так не привык. Пошли, развеемся, пока есть возможность. Кто знает, что будет завтра. Может, через неделю и казино уже не будет.

Тоха знал, что спорить бесполезно. Саня всегда умел уговаривать, умел находить нужные слова. И, честно говоря, Тоха сам не хотел возвращаться в пустую квартиру, где его никто не ждал. Он устал от одиночества. Даже такая компания, как Саня, была для него семьёй.

– Ладно, – сдался он. – Пошли. Но если что – я тебя предупредил. Я же тебе говорил, что это плохая идея.

– Не ссы, братан. Всё будет хорошо. Ты же меня знаешь, я никогда не проигрываю.

Казино находилось в частном доме в старой части города. Обычный с виду двухэтажный особняк с высоким забором и въездными воротами. Если бы Сане кто-то не показал это место когда-то, он никогда бы не подумал, что здесь кипит жизнь, скрытая от посторонних глаз. За высокой деревянной оградой стояла тишина, только где-то в глубине доносился приглушённый гул голосов. Саня подошёл к калитке, постучал условным стуком – три коротких, два длинных. Через минуту калитка открылась, и их впустили внутрь.

Они вошли, и мир вокруг изменился. Внутри было тепло, горел приглушённый свет, на стенах висели дорогие картины, из динамиков лилась приятная музыка. Играли в карты, крутили рулетку, стояли игровые автоматы. Люди сидели за столами, курили, пили, смеялись. Никто здесь не думал о вирусе, о беспорядках, о конце света. Здесь была своя реальность – деньги, азарт, возможность забыться. Саня посмотрел на пустующие столы, на людей, которые улыбались и пили дорогой коньяк, и подумал о том, что этот мир – как будто параллельная вселенная. Здесь не было заражённых, не было страха, не было смерти. Только игра.

Саня и Тоха прошли к стойке, взяли фишки и начали игру. Сначала им везло. Саня крутил рулетку и выигрывал, Тоха играл на автоматах и тоже сорвал неплохой куш. Они улыбались, хлопали друг друга по плечам, пили виски, который приносили официанты. Всё шло хорошо, и в какой-то момент Саня решил, что сегодня их день.

– Видишь, – сказал он, поднимая бокал. – Я же говорил: нам везёт. Удача на нашей стороне. Мы сегодня всех обыграем, Тоха. Я чувствую.

Тоха улыбнулся, но в его глазах была тревога. Он чувствовал, что удача может отвернуться в любой момент, особенно в таком месте, где всё подстроено против игроков.

– Да, но пора бы остановиться, – сказал он. – Мы уже выиграли прилично. Если сейчас уйдём, мы в плюсе. А если продолжим, можем всё проиграть.

– Не проиграем, – отмахнулся Саня. – Мы сегодня на волне. Ещё пару раз, и у нас будет на несколько месяцев. Ты же знаешь, я чувствую такие вещи.

Но казино всегда в выигрыше, и этот день не был исключением. Игровой автомат, который приносил удачу, вдруг начал забирать фишки одну за другой. Тоха проиграл всё, что выиграл за час. Он побледнел, но сдержался и ушёл от автомата. Саня подошёл к столу с рулеткой и поставил на красное. Чёрное. Потом на чёрное. Красное. Фишки таяли на глазах.

– Саня, может, остановимся? – сказал Тоха, кладя руку ему на плечо. – У нас осталось немного. Давай оставим хотя бы на такси. И на еду. Ты же знаешь, что так нельзя.

– Сейчас отыграюсь, – упрямо ответил Саня. – Ты же знаешь, я не люблю уходить проигравшим. Я должен отыграться.

Они взяли ещё выпивки – уже не для удовольствия, а чтобы заглушить азарт. Виски быстро ударил в голову, и мысли стали путаться. Саня уже не мог чётко считать фишки, не мог следить за ставками. Они проиграли почти всё. Тоха, уже пьяный, достал с руки часы и протянул их крупье.

– Сколько дадите за это? – спросил он, и голос его дрожал.

– Дорогие часы, – сказал крупье, разглядывая их. – Хорошая вещь. Можем предложить тысячу.

– Тысячу?! – возмутился Тоха. – Да они десять стоят! Я их купил, когда стал нормально зарабатывать. Это был мой первый серьёзный заработок!

– Больше не можем, – равнодушно ответил крупье. – Играете? Если нет – забирайте и уходите.

Тоха посмотрел на Саню, тот кивнул. Тоха поставил часы на кон. Рулетка закрутилась, и шарик упал на чёрное. Тоха проиграл. Его лицо побледнело, он сжал кулаки, но промолчал. Часы, которые он так любил, исчезли в руках крупье.

– Всё, больше ничего нет, – сказал он, отворачиваясь.

Но Саня не успокаивался. Азарт уже затуманил его разум. Он искал, что ещё можно поставить. Денег не было, вещей – тоже. Тогда он сказал то, что не должен был говорить.

– А дом? Поставлю дом!

Тоха схватил его за плечо, развернул к себе.

– Саня, ты в своём уме? Ты не можешь поставить дом! Это не твой дом! Вас там живёт половина семейства! Ты не можешь так поступить!

– Не ори, не рости, – пьяно отмахнулся Саня. – Сейчас я выиграю, и всё вернётся. Ты же знаешь, мне всегда везёт. Какая разница кто там живёт? Они всё равно не узнают. Я отыграюсь за пять минут и не просто сохраню дом. Сделаю ремонт, поставлю новую печь, всё будет по-новому.

Тоха смотрел на него с ужасом. Он знал, что Саня не контролирует себя, знал, что алкоголь и азарт сделали своё дело. Но он не мог позволить другу разрушить жизнь своей семьи.

– Саня, одумайся! Это же не просто дом! Если проиграешь, ты не только себе проблем создашь.

– Я знаю, что делаю, – упрямо ответил Саня. – Сейчас я выиграю и всё будет чётко.

Крупье, молодой парень с холодным взглядом, взял паузу. Он понимал, что пьяный клиент готов поставить всё, что угодно. Начальство оценит, если он возьмёт этот дом. Даже если потом окажется, что документов нет, сейчас это неважно. Он кивнул своим мыслям и повернулся к Сане.

– Без документов мы не принимаем такие ставки, – сказал крупье.

– А мы и не будем оформлять, – ответил Саня. – Давай просто сыграем. Я поставлю, ты примишь. Чисто по-пацански. Время, господа, – добавил он громко, обращаясь к другим игрокам, – время менять правила!

– Хорошо, – кивнул крупье. – Но если вы проиграете, мы придём за домом. Так что подумай ещё раз.

Саня поставил все оставшиеся фишки на красное. Рулетка закрутилась, и он смотрел на неё, затаив дыхание. Шарик метался по кругу, ударялся о перегородки, замедлялся и наконец остановился. Чёрное.

– Чёрное, – объявил крупье.

Саня замер. Он смотрел на шарик, который лежал на чёрном, и не мог поверить. Все фишки забрали. Он проиграл всё. Дом. Иллюзию, что он может управлять судьбой. То, что он не имел права проигрывать.

– Так, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Это всё подстава. Здесь всё подстроено! Жульничество! Это нечестная игра! Я требую возврата!

– Вы проиграли, – ответил крупье холодно. – Прошу покинуть заведение. Никакого жульничества нет, вы сами это видели.

– Я не уйду! – закричал Саня. – Вы меня обманули! Я требую возврата! И вообще какой дом? Я говорил несерьёзно. Верните деньги и мы просто уйдём.

Он не заметил, как к ним подошёл охранник. Тоха увидел его первым, но было поздно. Охранник замахнулся и с силой ударил прикладом автомата по голове Тохе. Тот рухнул на пол, как подкошенный, и замер. Из-под его головы потекла кровь.

– Тоха! – закричал Саня, пытаясь рвануться к другу.

Но в этот момент второй охранник зашёл сзади. Саня хотел бы начать бой. В другой жизни, трезвый и злой, он мог бы дать отпор. Он мог бы выхватить оружие, ударить, убежать. Но алкоголь сделал своё дело – реакция затормозилась, мысли путались, движения стали вялыми. Он даже не успел развернуться. Только увидел, как к его виску летит приклад. И мир для него резко погас.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута, может, час. Где-то далеко слышался гул голосов, шорох шагов, но он уже не мог разобрать слов. Он плыл в темноте, и ему казалось, что он падает в бездну. В голове мелькали обрывки мыслей: мама, Валентин, Тоха. Он хотел проснуться, но тело не слушалось.

Он очнулся от запаха – резкого, химического, который бил в нос. Кто-то плеснул на него водой. Саня открыл глаза и увидел над собой лицо охранника – того самого, что ударил его. Охранник смотрел на него равнодушно, как на мусор, который нужно выбросить.

– Ну что, будем платить долги?

Саня попытался подняться, но голова кружилась, а руки были связаны перед собой. Он коснулся виска и почувствовал кровь. Рядом с ним лежал Тоха – он уже очнулся, но тоже был в шоке. На его голове была большая ссадина, на лбу – засохшая кровь.

– Да пошёл ты! – усмехнулся Саня.

Тоха попытлся подняться, но тут же завалился на пол.

– Ты как? – спросил Саня друга. – Ты живой? Тоха, ответь мне, ты меня слышишь?

– Голова болит, – ответил Тоха, морщась. – И часы забрали. Ты видел? Они забрали мои часы. Я их так долго хотел. Это был мой подарок самому себе.

– Видел. И деньги у меня забрали. Они думают, что дом тоже смогут забрать.

– Дом отдавать нельзя.

– Я знаю, – ответил Саня, и в его голосе послышалась такая боль, какой Тоха не слышал у него никогда. – Я всё знаю. Я идиот.

– Я же говорил тебе, не надо было ставить. А ты всё своё, упёртый как баран.

– Ты прав. Я дурак. Сейчас я всё исправлю.

– Чем ты исправишь? Ты сам сказал, у тебя ничего нет.

Охранник кашлянул в руку, делая вид, что не хотел прерывать беседу:

– Ну что, уважаемые, – сказал он. – Покажите наши новые владения?

– Никаких документов у вас нет – сказал Тоха, – Любой суд вас пошлёт. И вообще, Сань, ты помнишь, чтоб ты дом ставил?

– Нет. - Спокойно ответил Саня.

– И я не помню. Попутал ты что-то, уважаемый.

Охранник недовольно скривился.

– Да нахрен нам не сдался ваш дом. Вели бы вы себя повежливее, проблем бы не было. А так, сами начали орать про жульничество, портить репутацию заведения, хотя все ранее слышали вашу ставку. Так что дом мы заберём, это дело принципа. - Спокойно сказал охранник.

– Ты даже не представляешь с кем ты говоришь. – Усмехнулся Саня. – Дома вам не видать, а когда я отсюда выберусь, то спалю к чертям ваше заведение.

Охранник осуждающе покачал головой и с размаху ударил Саню в челюсть. Тоха попытался подняться, но тут же сонулся от удара в грудь.

– Вы не поняли. Своё мы всё равно заберём, даже если для этого придётся разобрать вас на запчасти.

Охранник вышел. Саня сидел, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на Тоху. Тот тяжело дышал, на лбу запеклась кровь, руки были стянуты перед собой. Голова Сани раскалывалась, в ушах звенело, но сознание постепенно прояснялось. Каждая мысль о том, что он натворил, отдавалась тупой болью в груди. Он проиграл чужой дом. Мамин дом. И теперь какой-то охранник, равнодушно поправляя автомат, говорил о нём как о своей собственности.

Саня сжал кулаки. Внутри закипала ярость, которая понемногу вытесняла страх. Он вдохнул глубже, пытаясь успокоить бешеное сердцебиение, и начал осматривать помещение. Одна лампа под потолком, старый диван, облупившиеся стены, дверь без ручки. Окна заколочены. Единственный выход – та самая дверь.

Он перевёл взгляд на Тоху и едва заметно кивнул. Тот понял без слов. У них был один шанс. И они его использовали бы, даже если бы пришлось умереть. Очевидно, дом никто отдавать не собирался. Но ситуация вышла так себе. И нужно было выбираться как можно быстрее.

Глава 3

Колонна въехала в посёлок Новокручининский, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые и оранжевые тона. Дорога, которая вела к посёлку, была разбитой, но проезжей – видно было, что здесь ещё поддерживают порядок. Ямы были засыпаны гравием, а на обочинах стояли старые шины, которыми, видимо, обозначали опасные участки. Дима сидел за рулём ГАЗели и смотрел вперёд, пытаясь разглядеть, что их ждёт. За ним ехали УАЗ с Геннадием и Колей, и «девятка» с Лёней за рулём.

Первое, что бросилось в глаза – посёлок выглядел живым. По сравнению с тем, что они видели на своём пути, здесь словно не было апокалипсиса. Конечно, кое-где виднелись следы недавних боёв – выбитые окна в некоторых домах, обгоревшие машины на обочинах, свежие следы от пуль на стенах. Но люди ходили по улицам, у въезда стоял блокпост с вооружёнными мужчинами, и даже работал свет в некоторых окнах. Над трубами вился дымок – кто-то топил печи, готовил еду. Дети играли у одного из домов, и это зрелище казалось почти нереальным после всего, что они видели. Женщины разговаривали у калиток, мужчины чинили заборы. Всё выглядело так, будто здесь ничего не случилось.

– Так непривычно, – сказала Таня, сидящая рядом с Димой. – Дети играют, люди ходят. Как будто ничего не случилось. Я даже не помню, когда в последний раз видела такое.

– Да, – ответил Дима, сбавляя скорость. – Но это не значит, что они нам рады. В любом таком месте есть свои порядки. И чужаков не всегда любят. Надо быть осторожными. Посмотри, как они на нас смотрят – настороженно, с опаской.

Он остановил колонну перед шлагбаумом. К машине подошёл мужчина лет сорока в камуфляжной куртке, с автоматом на плече и с уставшим, но внимательным взглядом. На его лице была лёгкая щетина, под глазами залегли тени – видно было, что он не спал несколько дней. Он осмотрел колонну, потом подошёл к ГАЗели, постучал по стеклу.

– Откуда и куда? – спросил он без лишних приветствий. Его голос был хриплым, как будто он много курил.

– С запада, – ответил Дима, опуская стекло. – Едем в Читу. У нас там семья. Мы едем уже почти две недели.

– В Читу, значит, – мужчина хмыкнул, покачал головой. – Смелые ребята. Там сейчас ад. Город не контролируется, военные пытаются удержать центр, но окраины уже полностью захвачены. Если у вас там есть родственники, я бы на вашем месте не торопился. Может, они уже мертвы, или сами ушли.

– Мы не можем не попытаться, – ответил Дима. – Нам нужно хотя бы попробовать. Если есть шанс – мы должны его использовать. Мы прошли слишком долгий путь, чтобы повернуть назад.

Мужчина посмотрел на него долгим взглядом, потом перевёл взгляд на другие машины. Его лицо выражало усталость, но что-то в ответе Димы тронуло его. Он покачал головой, но в глазах мелькнуло уважение.

– Ладно, – сказал он. – Проезжайте. Но предупреждаю: у нас здесь свои порядки. Никакой стрельбы без крайней необходимости. Нарушители будут обезврежены. Вы можете остановиться на ночлег в мотеле, он у нас один. За комнаты берут не деньгами, а ресурсами. Если вам есть чем платить – вас примут. Если нет – ночуйте в машинах.

– Спасибо, – сказал Дима. – Мы поняли.

Он проехал через блокпост, и колонна медленно двинулась по главной улице посёлка. Новокручининский действительно выглядел как оазис в пустыне. На улицах были люди – кто-то шёл по своим делам, кто-то стоял у своих домов и смотрел на проезжающие машины. Никто

не кричал, не паниковал. Здесь сохранилась какая-то иллюзия нормальной жизни. Лавки были закрыты, но в окнах горел свет. Где-то играла радио, слышался лай собак. Всё это было так привычно и одновременно так странно.

Дима заметил, что многие мужчины были вооружены. У них были ружья, охотничьи карабины, в некоторых руках – армейские автоматы. По всей видимости, в посёлке организовали ополчение, и люди сами взяли ответственность за свою безопасность. Это было видно и по тому, как они смотрели на чужаков – настороженно, но без злобы. Они не хотели конфликтов, но были готовы защищать свой дом.

Женщины выглядели спокойными, но держались ближе к домам, а дети, увидев машины, замерли на мгновение, а потом побежали к взрослым.

– Интересно, как они это организовали? – сказал Коля по рации. – Везде хаос, а тут порядок. Как будто они знали, что это случится.

– Видимо, нашли сильного лидера, – ответил Геннадий. – В таких местах всегда кто-то берёт на себя ответственность. Может, кто-то из местных. Но без такого человека порядок не держится. Я таких видел много за свою жизнь. Когда наступает хаос, появляются люди, которые способны его организовать.

Они подъехали к придорожному мотелю. Это было двухэтажное здание с вывеской, на которой было написано: «Придорожный мотель». На первый взгляд оно выглядело неплохо, хотя и требовало ремонта. Несколько комнат сдавались в аренду, и в одной из них горел свет. Рядом стояла старая бензоколонка, явно не работающая уже давно. Перед мотелем была парковка, где стояло несколько машин – старых, пыльных, давно не ездивших.

– Останавливаемся здесь, – сказал Дима, выходя из машины.

Лёня и Геннадий тоже вышли. Вся группа собралась у входа, переглядываясь. После долгой дороги каждый мечтал о нормальной ночи. О душе, о тёплой постели, о том, чтобы не спать в машине, где спина затекает, а ноги некуда деть. В воздухе чувствовался запах хвои и дыма – кто-то топил печь где-то рядом.

Внутри мотеля было чисто и даже уютно. За стойкой стояла женщина лет пятидесяти, с седеющими волосами, собранными в пучок, и внимательным взглядом. На ней был простой халат, она стояла и смотрела на гостей с любопытством. За её спиной висела старая карта Читинской области, на которой красным фломастером были отмечены какие-то точки. Она окинула взглядом группу и улыбнулась – вежливо, но без особого радушия.

– Добрый вечер, – сказала она. – Сколько комнат вам нужно? У нас есть свободные места, но не все комнаты готовы. Придётся потесниться.

– На всех хватило бы трёх, – ответил Дима. – Сколько это будет стоить?

– Деньги у нас не принимают, – сказала она. – Сейчас ценность имеют только ресурсы. Патроны, бензин, солянка, алкоголь, сигареты. Что у вас есть? Мы не можем кормить вас бесплатно, но если есть чем заплатить, мы вас накормим.

Дима задумался. У них были запасы алкоголя, которые они нашли на фестивале. Он обернулся на Лёню, тот понял вопрос без слов.

– У нас есть алкоголь, – сказал Дима. – Виски, водка, коньяк. Можем отдать часть за ночлег и ужин.

Женщина кивнула, оценив ответ. Кажется, такое предложение её устраивало. Она взяла с полки блокнот и что-то пометила в нём.

– Две бутылки виски и бутылка коньяка за три комнаты на ночь, – сказала она. – И ещё одну, если хотите ужин. Согласны? Больше мы не берём, но хороший алкоголь сейчас редкость. Сейчас его почти нигде не достать.

Дима переглянулся с Лёней. Тот коротко кивнул. В конце концов, алкоголь – это то, что можно было отдать. Нормальный ночлег был важнее, чем пара бутылок. После долгой дороги каждый мечтал о том, чтобы выспаться хотя бы в нормальной постели.

– Согласны, – сказал Дима.

Он передал женщине бутылки, и она положила на стойку три ключа. На каждом была металлическая бирка с номером комнаты.

– Ваши комнаты на втором этаже, – сказала она. – В конце коридора есть душ и туалет. Вода есть, но горячая только утром и вечером, так что не задерживайтесь. Ужин будет через час в столовой. Мы готовим просто, но сытно. Могу предложить только то, что есть.

Группа поднялась на второй этаж. Комнаты были простыми, но чистыми. Две кровати, тумбочка, лампа на стене. Всё было далеко от идеала, но после долгой дороги это казалось восхитительными хоромами. На окнах были плотные шторы, которые задерживали свет, и казалось, что здесь можно спрятаться от всего мира. Дима зашёл в свою комнату вместе с Таней. Она плюхнулась на кровать и облегчённо выдохнула.

– Я не думала, что когда-нибудь буду так радоваться обычной кровати, – сказала она, закрывая глаза. – Даже если она скрипит, это лучше, чем сиденье в машине. Я готова спать хоть на полу, лишь бы не в машине.

– Отдыхай, – ответил Дима. – Завтра нам ещё ехать. Ты же знаешь, что в Чите нас ждёт.

– Знаю, – тихо сказала Таня. – Поэтому сейчас и хочу отдохнуть.

В соседних комнатах разместились остальные. Геннадий Васильевич, Вадим Сергеевич, Коля и Лёня заняли одну комнату, женщины с Ваней и Никитична – другую. Все были уставшими и благодарными за то, что могут хотя бы немного передохнуть.

Через час все собрались в столовой. Это была небольшая комната с несколькими столами, на которые была расставлена простая, но сытная еда: каша, хлеб, соленья, какая-то тушёная капуста. Неизвестно, откуда у них такие запасы, но выглядело всё более чем съедобно. В воздухе пахло горячим хлебом, который явно испекли недавно. Даже горячий чай стоял на столах – в этом мире это было почти роскошью. Не пакетированный, а вкусный, из заварника.

Даша села рядом с Таней и тихо переговаривалась с соседкой за соседним столом. Женщина лет сорока, с простым, загорелым лицом, рассказывала ей что-то, иногда понижая голос. Даша слушала внимательно, иногда переспрашивала. Когда она вернулась к своим, её лицо было озабоченным. Она села за стол, взяла ложку, но есть не торопилась.

– Что узнала? – спросил Лёня, накладывая себе кашу.

– В Чите плохо, – сказала Даша. – Очень плохо. Заражённых много, они заполонили окраины. Военные пытаются удержать центр, но у них не хватает людей. Мародёры грабят магазины и квартиры, стрельба в городе практически не прекращается. Люди стараются обмениваться ресурсами, но основная валюта сейчас – патроны, бензин, солярка, алкоголь и сигареты. Еды тоже не хватает. Говорят, что в центре города есть какие-то штабы, но туда не пускают посторонних.

– Нам нужно в центр города? – спросил Геннадий Васильевич, нахмурившись. – Или можно обойти окраины?

– Не знаю, – ответила Даша. – Она сказала, что там ещё можно проехать, но опасно. Очень опасно. И если у нас нет оружия, то лучше туда не соваться. Она сказала, что они сами не выезжают из посёлка уже пару дней. Только патрули, и те вооружены до зубов.

За столом повисла тишина. Все понимали, что их путь ещё не закончен, и что впереди их ждёт ещё больше опасностей. Но сейчас, за этим столом, они могли хотя бы поесть и расслабиться. Хотя Геннадий Васильевич и Вадим Сергеевич бросали на Лёню немного недовольные взгляды, которые не остались незамеченными.

– Что вы на меня коситесь? – спросил Лёня, заметив их взгляды. Он отложил ложку и посмотрел прямо на них.

– Ты должен был нас слушать, Лёня, – сказал Геннадий Васильевич. – Мы же говорили, что лучше не лезть, что мы и так уже взяли достаточно. Если бы ты нас слушал, Шарик был

бы жив. Всё было бы иначе. Я не хочу тебя винить, но это трудно забыть. Я каждый день вспоминаю его.

Лёня опустил голову. Он не оправдывался – действительно, он чувствовал свою вину. Если бы он тогда послушал Вадима Сергеевича, возможно, всё было бы иначе. Шарик был бы жив, и они бы не рисковали жизнями.

– Я знаю, – тихо сказал он. – Я виноват. Я не слушал. Просто думал, что знаю лучше. Что там может быть что-то полезное. Я ошибся. Мне жаль. Если бы я мог всё вернуть, я бы так не поступил.

– Ошибся, – эхом отозвался Вадим Сергеевич, но в его голосе не было злобы, только усталость. – Ладно, что было, то было. Мы живы, и это главное. Но в следующий раз, Лёня, слушай старших. Мы уже не один день на этом свете, кое-что понимаем.

Алёна сидела напротив мужа и чувствовала на себе взгляд Коли. Тот смотрел на неё без злобы, но с какой-то тяжёлой усталостью. Всё ещё не до конца понятно, как им быть, и как теперь смотреть друг на друга. Она понимала, что Коля любил свою мать, и что всё произошедшее для него стало настоящим шоком.

– Давайте выпьем, – сказал Геннадий, поднимая рюмку. – За то, что мы живы. За тех, кто с нами. И за тех, кого мы потеряли. Мы не забудем их, но мы должны идти дальше. Это единственное, что мы можем сделать.

Все подняли рюмки и выпили. Впервые за долгое время в группе воцарилось спокойствие. Напряжение, которое висело в воздухе с самого начала их путешествия, немного отпустило. Кто-то даже улыбнулся впервые за несколько дней. За столом завязался разговор о прошлом, о том, какими были люди до всего этого.

: Никитична рассказала, как они с мужем строили дом, как сажали огород. Геннадий Васильевич вспомнил свою службу. Даже Лёня улыбнулся, когда рассказывал, как впервые сел за руль.

Разговор постепенно перешёл к тому, что ждёт их в Чите. Каждый высказывал свои предположения. Кто-то надеялся, что они найдут семью целой и невредимой. Кто-то боялся худшего. Но все сошлись на одном: они не могут остановиться. Дима слушал их и чувствовал, как внутри крепнет уверенность. Они прошли слишком долгий путь, чтобы сдаться сейчас. Хотя моментами казалось, что это лучшее решение.

После ужина все разошлись по комнатам. Дима сидел у окна и смотрел на тёмный посёлок. Где-то вдалеке слышались выстрелы, но они были далёкими, почти нереальными. Вокруг было тихо и спокойно. Он думал о завтрашнем дне, о том, что их ждёт в Чите, о семье, которая там ждёт. О том, что это может оказаться самым опасным участком их пути. Он думал о том, увидит ли он когда-нибудь дом, где вырос, и всех, кто остался там.

Даша заметила, что Никитична сидит на кровати и молча перебирает старые фотографии. Он подошёл к ней.

– Что это? – спросила он мягко.

– Это моя семья, – ответила она, показывая ей чёрно-белое фото. – Муж, дети. Они давно уехали. Я даже не знаю, живы ли они сейчас. Но я верю, что они живы. Это помогает мне идти дальше. Наверное, именно это нас и держит – вера в то, что те, кого мы любим, ещё живы.

Даша молча кивнула. Она думала о том, как много потерь они уже пережили, и как много ещё может быть впереди. Но сейчас, глядя на Никитичну, она поняла, что надежда – это то, что держит всех на плаву. Без неё они бы не прошли и половины пути. Жаль только, что мир самой Даши рухнул, вместе со смертью её молодого человека.

Дима не мог уснуть. Они почти у цели, но это пугало его ещё сильнее. Что будет, если прорваться всё же не удастся? А если военные навели свой порядок и город стал одной большой казармой? Или того хуже, что если все, кто ему дороги, уже ходят мёртвыми по городу?

– Ложись спать, – сказала Таня, обнимая его сзади. – Завтра будет тяжёлый день. Нам нужно отдохнуть, чтобы быть готовыми.

– Я знаю, – ответил Дима. – Я просто думаю.

– Не думай. Завтра подумаешь. А сейчас нужно отдыхать.

Он кивнул и попытался уснуть. Таня положила голову ему на плечо, и через минуту её дыхание стало ровным. Но Дима долго не мог провалиться в сон. Он смотрел в потолок и думал о том, что они уже прошли так много, и что впереди их ждёт неизвестность.

Закрыв глаза, он постарался уснуть. Завтра был новый день, полный опасностей. Но сегодня, в этой маленькой комнате, он мог хотя бы на несколько часов забыть о том, что происходит снаружи. Он знал, что утром они снова сядут в машины и поедут в неизвестность. Но сейчас он был здесь, и это было важно. Он чувствовал тепло Тани рядом с собой, слышал ровное дыхание Генри у кровати, и понимал, что ради этого стоит жить.

Глава 4

До ТРЗ на троллейбусе Валентин и Катя доехали без происшествий. Троллейбус катил по пустым улицам, изредка останавливаясь на остановках, где никого особо не было. Водитель молчал, пассажиры тоже. Все смотрели в окна и молчали, как будто боялись, что любой звук может привлечь внимание того, что прячется за стёклами. Валентин сжимал в руке металлическую линейку, которую нашёл на почте, и чувствовал, как она холодит ладонь. Это оружие было смешным – он понимал это. Но выбора не было. Катя держала кухонный нож, и её пальцы тоже сжимали рукоятку так сильно, что побелели костяшки.

Когда они вышли на ТРЗ, Валентин оглянулся. Это был район, где он вырос, где прошла его юность. Здесь всё было знакомым – старые панельные пятиэтажки, дворы, заросшие тополями, гаражи, детские площадки с ржавыми качелями. Но сейчас всё выглядело пугающе. Окна многих квартир были тёмными, кое-где стёкла были выбиты. На асфальте виднелись тёмные пятна, которые лучше было не рассматривать. Где-то горела машина, и чёрный дым поднимался к серому небу, смешиваясь с облаками. В воздухе пахло гарью и чем-то сладковатым, от чего у Валентина свело желудок.

– Отсюда до дома минут двадцать пешком, – сказал Валентин, поправляя лямку сумки. – Можно через дворы – так короче и меньше шансов наткнуться на кого-то. Или по улице – там прямее, но открыто.

– Через дворы, – сразу ответила Катя. – Я не хочу идти по открытой улице. Слишком заметно. Если там кто-то есть, он нас увидит раньше, чем мы его. Я не хочу рисковать.

– Согласен. Тогда пошли. Только тихо. Без лишних разговоров. И смотри по сторонам.

Они пошли через дворы – мимо гаражей, мимо старых деревьев, мимо детских площадок, где ещё недавно играли дети. Сейчас там было пусто. Только ветер качал пустые качели, и они скрипели, как будто кто-то невидимый сидел на них. Валентин шёл первым, то и дело оглядываясь. Катя держалась за ним, сжимая в руке кухонный нож, который она нашла на почте.

Они прошли уже несколько дворов, когда Валентин попытался ускориться. Он хотел бежать – инстинкт подсказывал, что нужно быстрее добраться до безопасного места. Но через сотню метров у него закололо в бок. Он сбавил шаг до быстрой ходьбы и перевёл дыхание. Катя тоже сбавила, и её дыхание было прерывистым. Она не привыкла к такой нагрузке – её работа тоже была сидячей, и она редко ходила пешком.

– Надо было больше заниматься спортом, – прошептала она, пытаясь перевести дух. – Я думала, что я в форме, но это было ошибкой.

– Лучше пешком, чем рисковать и упасть где-нибудь, – ответил Валентин, морщась от боли в боку. – Если сейчас упадём, не факт, что сможем встать и идти нормально. А если не сможем идти, то и не сможем убежать при необходимости.

Они пошли медленнее, стараясь не привлекать внимания. Валентин вёл их через дворы, по тропинкам, которые знал с детства. Он знал каждую щель, каждый проход между гаражами. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только их шагами и дыханием. Эта тишина давила, казалась неестественной. Где-то вдалеке слышались выстрелы – они были далёкими, почти нерезкими. Иногда доносился женский крик или собачий лай, но всё это было приглушённым, словно город умирал медленно и беззвучно.

Валентин смотрел по сторонам. В голове роились мысли о том, что делать дальше. Как жить в этом новом мире. Он всегда любил природу, лес, животных. В детстве он мог часами сидеть на берегу Ингоды, смотреть на воду и думать о чём-то своём. Теперь он думал о том, что, возможно, единственный шанс на выживание – уйти из города, уйти в лес, подальше от всего

этого хаоса. В голове уже рисовались картины: дом у реки, огород, охота. Лёгкая, размеренная жизнь. Мирная.

Он почти не заметил, как его мысли унеслись в мечты, как он начал планировать всё до мелочей. Дом – лучше всего построить из брёвен, можно разобрать какой-нибудь старый сарай. Огород – картошка, морковь, капуста. Рядом река, можно рыбу ловить. А если найдётся ещё корова – молоко, масло. Всё это казалось почти реальным. Он даже начал прикидывать, какие инструменты могут понадобиться, где их можно найти. Он думал о том, что в лесу, возможно, безопаснее.

Там нет толп заражённых, нет мародёров, нет стрельбы. Только природа, тишина и возможность начать всё сначала. Он думал о том, как будет ходить на охоту, как будет добывать себе еду, как будет жить в гармонии с природой. Он уже почти решил, что возьмёт с собой только самое необходимое – топор, нож, спички, немного еды и воды. Остальное можно будет найти в лесу. Он знал, что это будет трудно, но он был готов. Он всегда любил трудности.

– Валя, – шёпотом позвала Катя, дёргая его за рукав. – Ты чего задумался? Ты должен смотреть по сторонам! Ты же здесь единственный мужчина, который может защитить нас. Хотя бы на уровне линейки.

– Прости, – пробормотал Валентин, возвращаясь в реальность. – Задумался.

– О чём? – спросила Катя, и в её голосе послышалось любопытство.

– О жизни. – честно ответил он. – Надо выбираться из города. И как можно скорее. Всё это – не для нас. Это не наша жизнь. Мы не должны жить в этом аду.

– Ты думаешь, будет лучше в лесу? – спросила она, и в её голосе не было уверенности.

– Лучше, чем здесь, – ответил он. – Здесь мы не выживем. Город – это клетка. Там, в лесу, хотя бы есть шанс. Мы можем начать всё сначала. Построить дом, посадить огород, жить в мире с природой. Это единственный способ выжить.

Пока Валентин думал о будущем, Катя молчала и оглядывалась по сторонам. Она тоже думала о жизни. Только о другой. Дома в Домне ждали трое её детей. Она знала, что в Домне сейчас военные, что там есть какая-то защита. Но она не могла быть уверена, что с ними всё в порядке. Она надеялась, что они живы. Но страх не отпускал её. Она думала о том, как они там, без неё, переживают этот ад. Она думала о том, что, возможно, она уже никогда не увидит их. И от этих мыслей ей становилось дурно.

А старший сын, Дима, был неизвестно где. Он уехал в Питер несколько лет назад, чтобы заниматься музыкой, и теперь она понятия не имела, жив ли он. Мысль о том, что он может быть мёртв, сводила её с ума. Она пыталась не думать об этом, но страх пробирался в сознание, как холодная вода в трещины корабля. Она представляла его в толпе заражённых, одним из этих безумцев, чья цель только жрать. Она представляла его обезумевшим, с мутными глазами и ртом, полным крови. И от этих мыслей ей становилось дурно. Она старалась думать о хорошем – о том, что он, возможно, в безопасности, возможно, он тоже думает о ней. Но страх был сильнее.

Катя вспоминала, как всё было. Дима родился, когда она была совсем молодой. Она воспитывала его одна, работала очень много, чтобы прокормить себя и ребёнка. Чтобы выйти на работу, она отдала его в школу-интернат с казачьим уклоном. Тогда это казалось хорошим решением – там было питание, там была дисциплина, там его могли научить тому, чему она сама не могла. Но потом она поняла, что он не такой, как все. Он был слишком чутким, слишком чувствительным. Он не хотел быть казаком. Он хотел играть на гитаре и писать песни. Она перевела его в обычную школу, но поздно – он вырос, стал самостоятельным, и она его почти не знала. Пару лет Дима пытался жить с матерью, но он часто конфликтовал с нынешним супругом Кати. Потому он второй раз сменил школу и переехал к её маме. Большую часть времени Дима жил с Бабушкой, Антониной Михайловной, а как стал совершеннолетним и вовсе

стал сам по себе. Снимал комнату в общежитии. Много где работал и в итоге решил, что не хочет жить в этом городе.

Она вспоминала, как он уехал. Тогда ей казалось, что это правильное решение – уехать, найти себя, реализоваться. Она отпустила его с лёгким сердцем, уверенная, что он скоро вернётся. А он не вернулся. Он звонил бабушке каждый день, хотя-бы на пять минут. А Кате звонил редко, раз в месяц, если не реже. Не потому, что не любил – просто был занят. Жил своей жизнью. И она смирилась.

Сейчас она почти не помнила его голоса. Только из тех редких звонков – коротко, деловито. Катя не обижалась. Она знала, что он такой, и всё равно любила его. Просто теперь, когда мир рухнул, она не знала, сможет ли она когда-нибудь увидеть его снова. Увидеть его живым.

Она надеялась, что он в Питере, возможно, в безопасности, возможно, он тоже думает о ней. Она надеялась. Но страх не отпускал её. Он был холодным и липким, как пот на её ладонях. Она сжала нож в руке и постаралась сосредоточиться на дороге. Она не могла позволить себе думать о плохом. Она должна была вернуться домой, к матери, а потом – в Домну, к детям. Она должна была выжить.

– Кать, – прошептал Валентин, внезапно останавливаясь. – Стой.

Она подчинилась мгновенно и прижалась к стене гаража, закрывая глаза и прислушиваясь. Валентин стоял, смотрел вверх. Он заметил это не сразу. Глаза привыкли к теням, и только через мгновение он понял, что в окне пятого этажа одной из пятиэтажек что-то есть. Какое-то движение.

Он смотрел на окно. Оно было тёмным, но в глубине комнаты что-то двигалось. Что-то большое. И это что-то выглядывало из окна, наблюдало за ними. Валентин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он напрягся и сжал линейку в руке. Катя тоже подняла глаза и увидела.

– Что это? – прошептала она. Её голос дрожал.

– Не знаю. Но смотри – оно не двигается как обычный заражённый. Оно притаилось. Оно смотрит прямо на нас. Оно как будто ждёт.

Они стояли на месте, не решаясь двинуться. Морда в окне не двигалась. Она была неподвижна, но в ней чувствовалась угроза. Эта голова была похожа на человеческую, но уже не была человеческой. Кожа была бледной, глаза – тёмными, почти чёрными. Шея была слишком длинной, а челюсть слишком большой, неестественно вытянутой. И оно смотрело. Прямо на них. На его лице не было никаких эмоций – только холодная, пустая злоба. Оно изучало их, как зверь изучает добычу. Его глаза были чёрными, как бездна, и в них не было ничего человеческого. Только голод.

– Это не просто заражённый, – сказал Валентин, пытаясь говорить спокойно. – Это что-то другое.

– Что? – переспросила Катя, не понимая. Она никогда не слышала этого слова.

– Понятия не имею, но выглядит жутко. Мне кажется, эта тварь гораздо сильнее.

Катя побледнела. Она посмотрела в окно и увидела, как голова медленно повернулась, следя за их движением. Морф, казалось, изучал их. В его взгляде была не просто голодная злоба, а что-то большее – холодная, расчётливая злоба. Хищник, который ждёт момента для атаки. Он был огромным, его плечи заполняли весь оконный проём, и она могла видеть, как его грудь медленно поднимается и опускается. Катя слышала его дыхание – низкое, рваное, как у животного.

– Он нас видит, – прошептала Катя. – Он видит нас. Сейчас он наверху, а через минуту может быть уже здесь. Нам нужно уходить.

– Тихо, – сказал Валентин, пытаясь держать себя в руках. – Не паникуй. Медленно отступаем. Шаг за шагом. И смотрим на него, чтобы не упустить из виду. Не делаем резких движений.

Они начали отступать. Шаг назад, ещё шаг, ещё. Морф в окне продолжал смотреть на них. Его голова медленно поворачивалась, следя за каждым их шагом. Он был неподвижен, но в его молчании было что-то зловещее. Он ждал. Изучал. Оценивал. Валентин чувствовал, что он не просто смотрит – он запоминает их запах, их движения, их страхи. Он знал, что этот монстр не успокоится, пока не попробует их на вкус.

– Он не двигается, – сказала Катя, стараясь не смотреть в сторону окна. – Почему он не двигается? Он же может спуститься и напасть.

– Потому что он хищник, – ответил Валентин. – Он оценивает нас. Смотрит, насколько мы опасны. Возможно, он проверяет, нет ли у нас оружия. Мы должны уйти до того, как он решит, что мы лёгкая добыча. Если он прыгнет, нам конец.

Они отступили за угол гаража, и тень скрыла их от наблюдения. Валентин перевёл дух, сердце бешено колотилось. Он чувствовал, что они только что избежали чего-то ужасного. Он слышал, как его сердце бьётся в ушах, и пытался успокоиться.

– Мы должны добраться до дома, – сказал он, тяжело дыша. – Быстро. Не останавливаемся, не оборачиваемся.

Катя кивнула. Они пошли быстрее, стараясь не издавать лишних звуков. Валентин знал дорогу, и вёл их через дворы, стараясь держаться подальше от высоких зданий, где могли прятаться эти существа. Он водил их через арки, через проходы между гаражами, через кусты и палисадники.

И тут они услышали звук. Глухой, тяжёлый, как удар по земле. Чей-то прыжок. Они замерли и оглянулись. Морф стоял на крыше гаража, в десятке метров от них. Его глаза горели, челюсть распахнулась, и из неё потекла слюна. Он был больше, чем обычный заражённый. Его тело было неестественно крупным, мышцы вздувались, а кожа была покрыта рубцами и шрамами – следами укусов и боёв. Он переводил взгляд с Валентина на Катю и обратно, выбирая, кто станет его жертвой. Его дыхание было тяжёлым, и он издавал низкий, горловой звук, похожий на рык.

Валентин сжал в руке линейку и взял Катю за руку. Он знал, что они не смогут убежать – морф был слишком быстрым. Единственный шанс – показать ему, что они не лёгкая добыча. Он думал о том, что это, возможно, его последний бой. Но он не мог позволить себе умереть здесь, не защитив Катю.

Они замерли. Только ветер шевелил волосы. Морф медленно спустился с гаража, его когти царапали бетон, оставляя глубокие борозды. Он был огромным, почти два метра ростом, его руки были покрыты толстыми мышцами, на пальцах блестели длинные когти. Он сделал шаг в сторону Валентина, и тот поднял линейку, как будто она могла его защитить. Он знал, что это смешно, но он должен был попытаться. Он должен был показать морфу, что он не боится.

– У нас нет выбора, – прошептал Валентин. – Бей в голову. Сможешь?

– Смогу, – ответила Катя. Она сжал в руке нож, чувствуя, как дрожат её руки. Она боялась, но она не могла позволить себе сдаться. Она думала о своих детях, о том, что она должна выжить ради них.

Морф сделал рывок, и мир для Валентина замедлился. Он видел, как тварь приближается, как её когти готовы вонзиться в его плоть. Он поднял линейку и ударил. Это был слабый удар. Морф даже не дрогнул. Он сбил Валентина с ног, и тот упал на землю, больно ударившись спиной. Морф склонился над ним, его челюсти распахнулись, и из них вырвался низкий рык. Валентин успел подставить линейку, и челюсти твари сомкнулись на металле. В это же мгновение Катя, не раздумывая, вонзила нож в шею морфа сзади. Он зарычал, но не остановился. Он лишь развернулся к ней, и Валентин, собрав все силы, ударил его линейкой в глаз. Тварь взвыла, отшатнулась, и Валентин вскочил на ноги, и схватил Катю за руку, готовясь бежать.

– Беги! – закричал он, и они бросились вперёд, не оглядываясь.

Они бежали через дворы, через гаражи, через кусты. Морф преследовал их, его тяжёлые шаги гремели позади. Валентин слышал его дыхание, чувствовал его близость.

Они думали, что у них есть шанс скрыться, если тварь ранена и от этого выдохнется быстрее. Но кое-что они не учли.

Звук разбитого стекла прозвучал оглушающе. Но Валентину с сестрой было не до того чтобы сейчас глазеть по сторонам. Второй морф резким движением выпрыгнул с третьего этажа ближайшей пятиэтажки. Когда Катя заметила это существо, пришло осознание, что теперь ничто не способно их спасти.

Она не хотела верить, что это конец. Но против двух морфов им не вывезти. Она остановилась. Страх словно испарился. Она начала истерически смеяться. Всю свою жизнь она крутилась, как белка в колесе. Всегда откладывала жизнь на потом. А сейчас её накрыло понимание, что "потом" не будет.

Глава 5

Выбраться было не сложно.

Саня сидел на холодном полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел на Тоху. Тот тяжело дышал, на лбу запеклась кровь, руки были стянуты перед собой. Голова Сани раскалывалась, в ушах звенело, но сознание постепенно прояснялось. Каждая мысль о том, что он натворил, отдавалась тупой болью в груди. Саня сжал кулаки. Внутри закипала ярость, которая понемногу вытесняла страх.

Он вдохнул глубже, пытаясь успокоить бешеное сердцебиение, и начал осматривать помещение. Единственный выход – та самая дверь, у которой сидел охранник. Он перевёл взгляд на Тоху и едва заметно кивнул. Тот понял без слов. У них был один шанс.

Охранник, который сторожил их, сидел у двери на старом стуле и клевал носом. Он был всё ещё в той же одежде, что и раньше, с автоматом на коленях. Видимо, он не ожидал, что пленники будут представлять угрозу. Саня ждал. Он смотрел на охранника, замечая, как его дыхание становится глубже, как голова опускается всё ниже. Через несколько минут охранник начал посапывать, и Саня понял, что момент настал. Он подал знак Тохе, и они начали действовать.

Охранник не успел даже пикнуть. Он открыл глаза всего на мгновение, но было слишком поздно. Тоха с силой ударил его по голове связанными руками. Это был точный, выверенный удар, который вырубил охранника мгновенно. Он обмяк и завалился на пол, не издав ни звука. Саня и Тоха быстро развязали друг другу руки. Процесс занял всего пару минут, и они уже стояли на ногах.

– Снимай с него оружие, – сказал Тоха, указывая на охранника.

Саня не стал медлить. Он стащил с бессознательного тела автомат, проверил магазин. Два полных магазина с патронами лежали в карманах куртки охранника. Саня сунул их в свои карманы и поднял автомат, который уже казался продолжением его руки. Он чувствовал, как в груди разливается странное спокойствие – это оружие давало ему уверенность.

Они вышли из здания довольно быстро. В коридорах было пусто, никто не встретился им по пути. Саня подумал, что казино, видимо, закрылось после инцидента, и все разошлись по домам. Это было им на руку. Они вышли на улицу через чёрный ход и остановились, вдыхая свежий воздух. Вечер был прохладным, небо затянуто тучами, и лишь редкие фонари освещали двор. Где-то вдалеке слышались выстрелы, но они были далёкими, почти нереальными.

– Валим отсюда, – сказал Тоха, оглядываясь. – Надо убираться, пока они не опомнились.

Но Саня не двинулся с места. Он стоял, сжимая в руках автомат, и смотрел на здание казино, из которого они только что выбрались. В его голове роились мысли о том, что они с ним сделали – избили, унизили, связали, угрожали убить. И его дом, мамин дом, они собирались забрать. За то, что он поставил его в пьяном угаре, когда сам не понимал, что делает. Ему было стыдно за свою глупость, но было и другое чувство – злость. Он всегда находил виноватых, чтобы не нести ответственность за свои поступки. И сейчас виноватыми были они – эти люди из казино, которые жульничали, которые избили его и друга, которые угрожали.

– Саня, пошли, – повторил Тоха, дёргая его за рукав. – Ты чего застыл? Надо валить, пока они не спохватились. Время не резиновое, они могут очнуться и поднять тревогу.

– Слышь, Тоха, – сказал Саня, и в его голосе послышалась ледяная злость. – Ты видел, что они с нами сделали? Они нас связали, избили, угрожали убить. И дом хотят забрать. Мамин дом.

Тоха посмотрел на друга и понял, что спор будет бесполезен. В глазах Сани горел тот самый огонь, который он знал с детства – когда Саня заикливался на чём-то, переубедить его

было невозможно. Он был упрямым, гордым и не умел прощать обиды. Тоха знал это лучше всех. И сейчас он видел, что гордыня ослепила друга, не давая ему трезво оценить ситуацию и понять, насколько глупо он поступил.

– Они заслужили, – сказал Саня. – Если мы просто уйдём, они решат, что с нами можно так обращаться. Что можно безнаказанно забирать чужое. Что мы слабаки. А я не слабак, Тоха. Ты меня знаешь.

Тоха вздохнул. Он понимал, что Саня не успокоится, пока не сделает то, что задумал. Он мог только быть рядом, чтобы в случае чего прикрыть друга. За многие годы дружбы он привык к таким выходкам. Он знал, что Саня иногда бывает опасен, когда его задевают, и сейчас был именно тот случай. Но он также знал, что Санино упрямство часто приводило к проблемам, и эта ситуация могла быть не исключением.

– Что ты хочешь сделать? – спросил Тоха, хотя уже догадывался, что ответит друг.

– Они должны запомнить, что с нами нельзя так поступать, – ответил Саня, и в его голосе появилась холодная решимость. – Я хочу, чтобы они пожалели о том, что связались с нами.

Саня огляделся по сторонам. Улица была пуста, но вдалеке он заметил свет вывески круглосуточного магазина. Он направился туда, оставив Тоху у входа. Продавщица, пожилая женщина с усталым лицом, узнала его. Она работала здесь уже много лет и знала многих местных. Саня часто заходил к ней за сигаретами и иногда перекидывался парой слов.

– Здравствуйте, тетё Лена, – сказал Саня. – Мне нужно три бутылки водки и зажигалку. В долг, если можно. Я завтра верну, честное слово. У меня сейчас проблема, но я всё решу.

– Ох, Саня, – покачала головой продавщица. – Ты в своём репертуаре. Что опять случилось? Время-то такое... страшно на улице. По телевизору говорят, заражённые ходят, а ты по вечерам шастаешь. Мать-то твоя знает, где ты? И опять пьёшь. Не стыдно тебе?

– Мать не знает, – честно ответил Саня. – И пусть не знает. Я сам разберусь. Тетё Лена, дай водки, я очень прошу. Мне нужно.

– Ладно, бери, – согласилась она. – Но завтра чтобы вернул, слышишь? А то я знаю тебя, забудешь. И не наделяй глупостей, Саня. Время сейчас тяжёлое, надо быть умнее.

– Спасибо, тетё Лена. – Саня взял три бутылки водки и зажигалку и вышел. Стекло бутылки тяжело болтались в руке.

– Что ты задумал? – спросил Тоха, увидев бутылки в руках друга.

– Ты увидишь, – ответил Саня, направляясь обратно к казино. – Я хочу, чтобы они запомнили этот день.

– Саня, ты хочешь поджечь его? – догадался Тоха, чувствуя, как внутри него разрастается беспокойство.

– Именно, – ответил Саня, не оборачиваясь. – Они думали, что могут нас унижить и забрать наше. Пусть знают, что так не бывает. Я не позволю им думать, что мы лохи. Мы не просто так уйдём. Мы оставим им сообщение. И это сообщение будет в огне.

Тоха хотел возразить, но слова застряли в горле. Он знал, что это безумная идея. Знал, что это может привлечь внимание. Знал, что они могут навлечь на себя большие проблемы. Но он также знал, что Саня всё равно сделает это, даже если он будет против. Он мог только надеяться, что они успеют уйти до того, как кто-то заметит огонь.

Саня подошёл к зданию казино и начал поливать его водкой. Он брызгал на деревянные стены, на забор рядом с домом, на траву. Пахло спиртом и чем-то горьким. Тоха стоял в стороне и смотрел, как Саня орудует бутылками. Он хотел остановить друга, но знал, что это бесполезно. Саня был в своей стихии – он чувствовал себя мстителем, который наказывает зло.

– Может, не надо? – спросил Тоха, делая последнюю попытку. – Ты понимаешь, что это может привлечь внимание? Это не просто какой-то гараж. Это казино, у них могут быть связи. Мы не знаем, кто за этим стоит. А если они вернуться?

– Они заслужили, – ответил Саня, не оборачиваясь. – Не жалею этих уродов. Они бы нас не пожалели.

Он продолжал поливать здание, двигаясь по периметру. Водка растекалась по деревянным стенам, по траве, по забору. Спиртовой запах становился всё сильнее. Саня подождёт зажег спичку и бросил её в лужу водки, которую оставил на земле. Огонь вспыхнул мгновенно, охватив деревянную стену с невероятной скоростью. Языки пламени начали подниматься вверх. Забор загорелся, пламя побежало по траве. Огонь быстро распространялся, и через несколько минут здание было частично охвачено пламенем. Внутри что-то упало с грохотом, и из окон повалил дым.

– Теперь они запомнят, кто мы такие, – сказал Саня, глядя на огонь. На его лице была спокойная и довольно мягкая улыбка. Он был уверен, что восстанавливает справедливость. Он чувствовал себя победителем, который наказал тех, кто посмел его унизить. Огонь пылал, освещая его лицо.

– Пошли, – сказал Тоха, дёргая его за рукав. – Мы сделали своё дело. Теперь надо валить. Быстро, пока не приехали пожарные или полиция. Или они сами.

Они не стали испытывать судьбу и побежали домой к Сане. Вечер уже переходил в ночь, и на улицах стало темнее. Город казался пустынным, только где-то вдалеке слышались выстрелы и сирены. Саня и Тоха бежали быстро, не оглядываясь. Они перепрыгивали через заборы, пробирались через дворы, стараясь не выходить на главные улицы.

Чего Саня не знал, так это то, что казино, которое он сжёг, было не единственным. Оно принадлежало человеку по имени Константин Юрьевич Серов. Формально он был депутатом, но по факту – одним из самых опасных людей в городе. Большую часть его дохода составляли именно казино. Их было семь, расположенных по всему городу. Он был известен своей жестокостью и тем, что не прощал обид. Поговаривали, что любой, кто переходил ему дорогу, исчезал бесследно.

Управляющий точкой, которую сжёг Саня, был человек по имени Артур. Он был правой рукой Константина Юрьевича и держал в своих руках все вопросы, связанные с безопасностью. Артур был расчётливым, умным и жестоким человеком, который всегда добивался своего. Именно он распоряжался деньгами и людьми. Он был тем, кто принимал решения на местах.

В тот момент, когда Саня и Тоха убегали, Артур находился в своём кабинете на втором этаже здания. Он сидел за столом и просматривал отчёты. Внезапно он услышал запах дыма. Сначала он подумал, что показалось – мало ли, что-то горит на кухне или в соседней комнате. Но запах усиливался, и Артур нахмурился. Он встал из-за стола, подошёл к окну и отодвинул штору. То, что он увидел, заставило его замереть на мгновение.

Здание горело. Огонь уже охватил нижний этаж, и языки пламени поднимались вверх, к его кабинету. Артур быстро схватил телефон, документы и выбежал из кабинета. Он спустился по лестнице, чувствуя, как жар становится всё сильнее. В коридоре было дымно, но он хорошо знал здание и быстро нашёл выход через чёрный ход. Он успел выбраться за несколько минут до того, как огонь полностью охватил здание. Большинство людей из казино тоже успели эвакуироваться – охранники, официанты, крупье, посетители, которые были внутри, заметили огонь и выбежали через запасные выходы.

Артур стоял на безопасном расстоянии и смотрел, как горит его казино. Пламя быстро распространялось, и через несколько минут здание было полностью охвачено огнём. Вокруг уже начали собираться зеваки – жители соседних домов, случайные прохожие. Кто-то уже вызвал пожарных, но они не спешили приезжать – в городе было много других проблем, и пожарные расчёты были нужны в других местах.

– Как это произошло? – спросил Артур у одного из охранников, который стоял рядом и выглядел растерянным.

– Мы не знаем, Артур Давидович, – ответил охранник. – Всё случилось внезапно. Кто-то поджёг здание, мы видели, как двое парней убегали. Один из них был тот, кого мы связали сегодня. Тот, что проиграл дом.

Артур прищурился. Он вспомнил Саню – наглого, упрямого парня, который в пьяном угаре поставил на кон чужой дом, а потом попытался отказаться от ставки. Он вспомнил его крики, его угрозы, его злые глаза. Он не думал, что этот парень окажется настолько безумным, чтобы поджечь казино.

– Они что, бессмертные? – тихо спросил Артур, глядя на огонь.

В этот момент к нему подошла пожилая уборщица Любовь Афанасьевна. Она работала в казино уже несколько лет и знала многих посетителей в лицо. Её лицо было испуганным, руки дрожали. Она смотрела на горящее здание и не могла поверить своим глазам.

– Артур Сергеевич, – сказала она, подходя ближе. – А как же ваши пленники? Я видела, как их увели. Они же там погибли! Это же люди! Вы не можете их там оставить!

– Не беспокойся, мать, – ответил Артур, стараясь говорить спокойно. – Отпустили мы их. Решили не связываться с ними. Всё в порядке, не волнуйся. С ними всё хорошо. Они уже ушли.

– Слава Богу, – вздохнула женщина, прижимая руку к груди. – А то я так испугалась, когда их увидела. Думала, они сгорят. Он же хулиган, но всё равно хороший мальчик. Здоровается всегда, вежливый такой. Сумки мне дважды помогал донести. Да и мать его жалко. Старая уже, переживает за него. Он, конечно, вредный иногда, но сын есть сын. Всё равно переживает. Жалко мне его.

– Подожди-подожди, – Артур резко повернулся к Любви Афанасьевне. – Ты знаешь этих балбесов?

– А как не знать, Артур Давидович, – ответила женщина. – На одном районе живём. Я его ещё ребёнком гоняла с нашего огорода, когда они с друзьями черёмуху у нас воровали. Да и мать его, Антонина, иногда к сестре моей в парикмахерскую ходит. Я её хорошо знаю, мы соседи. А Сашка со своим другом тоже там часто бывает.

Артур улыбнулся. Это была та самая информация, которую он искал. Ему не нужно было искать этих парней по всему городу – они сами пришли к нему через эту женщину. Судьба оказалась на его стороне.

– А скажи-ка мне, – сказал он, стараясь говорить как можно мягче и дружелюбнее, – где живёт он сейчас. Деньги-то он проиграл, жалко парня. Хочу вернуть ему долг, чтоб по совести. Нехорошо получилось. Может, он просто переволновался. Хочу исправить ситуацию.

– Да, конечно, – ответила Любовь Афанасьевна, не подозревая подвоха. – Засопочная улица, 12. Там же он и живёт вместе с матерью. Ты не сердись на них, Артур Давидович. Молодые ещё, глупые.

– Засопочная улица, 12, – повторил Артур, запоминая адрес. – Хорошо, запомню. Не переживай, позаботимся мы о них. Вернём мы должок твоим знакомым. Всё будет по-честному. Ты иди домой, Любовь Афанасьевна, отдыхай. Завтра будет новый день.

Он отпустил уборщицу домой, любезно предложив подвезти её до дома. Та отказалась, ушла сама, успокоенная тем, что всё разрешится мирно. Она не знала, что на самом деле задумал Артур. Когда Любовь Афанасьевна скрылась за поворотом, улыбка исчезла с его лица. Он достал телефон и набрал номер.

– Марат, ко мне, – сказал он коротко.

Через минуту к нему подошёл Марат – рослый мужчина в камуфляже, с автоматом на плече и холодным, внимательным взглядом. Марат был человеком, который выполнял самые грязные поручения. Он был безжалостным и преданным, и Артур доверял ему, как самому себе. Марат молча ждал приказов, глядя на горящее здание без всяких эмоций.

– Слушай сюда, – сказал Артур, глядя на огонь. – Я узнал, где живут эти пироманты. Засопочная улица, 12. Они не просто подпортили репутацию нашему заведению, они сожгли

его. И они будут отвечать за это. Собери бойцов. Восемь человек, не меньше. И скажи Малому и Лысому, чтобы срочно выезжали к Константину Юрьевичу. Пусть доложат, что здесь стряслось. И скажи им, что новое казино будет по адресу Засопочная улица, 12. Сегодня мы зачистим эту территорию и накажем виновных, которые осмелились бросить нам вызов.

Марат кивнул и молча ушёл выполнять поручение. Артур ещё раз посмотрел на горящее здание. Пламя уже начало утихать, оставляя после себя обугленные стены и пепел. Он знал, что Константин Юрьевич будет недоволен потерей одной из точек, но он также знал, что сможет оправдаться – у него был адрес, по которому можно было забрать дом и открыть новую точку.

Он задумался, как он это сделает. Сначала он пришлёт своих людей в дом на Засопочной. Они заберут дом, и если там будут сопротивляться, они не будут церемониться. Он даст им указания – никакой жалости. А потом, когда всё будет сделано, он будет ждать развития событий. Он повернулся и пошёл прочь, оставляя горящее здание позади. Вокруг было тихо, только звуки сирены нарастали вдалеке. Артур курил, и дым от сигареты смешивался с дымом от пожара. В его голове уже созрел план. Он знал, что Константин Юрьевич будет доволен, если он решит эту проблему быстро и без лишнего шума. А Саня и Тоха скоро поймут, что совершили непоправимую ошибку. Ночь обещала быть долгой и кровавой.

Артур докурил сигарету и затушил её о стену. Он знал, что его люди уже готовятся к выезду. Он тоже должен быть готов. Он должен быть там, когда они приедут. Он должен увидеть лица этих идиотов, когда они поймут, что всё кончено. Он должен услышать их крики. Это будет справедливо. Это будет правильно. Он не мог позволить, чтобы кто-то думал, что можно безнаказанно сжигать его казино. Никто не смеет бросать ему вызов и оставаться в живых. Он должен показать, что он – сила, с которой нужно считаться. И он это сделает.

Глава 6

Мир замер в ожидании смерти. Валентин стоял, прикрывая собой Катю, и смотрел на двух мутантов, которые приближались к ним с разных сторон. Огромные твари двигались медленно, словно наслаждаясь моментом. Их глаза горели голодным огнём, челюсти были раскрыты, и из них капала слюна, смешанная с кровью и остатками плоти. Валентин сжимал в руке погнутую линейку и понимал, что это бесполезно. Он не мог защитить Катю. Он не мог защитить себя. Металлическая линейка, которая ещё утром казалась ему хоть каким-то оружием, теперь выглядела жалкой игрушкой перед этими монстрами. Его руки дрожали, сердце колотилось где-то в горле, и он чувствовал, как холодный пот стекает по спине. Первый морф, тот, что стоял справа, был выше второго – его плечи размерами в высоту доходили до крыши гаража, а когти оставляли глубокие царапины на бетоне.

Катя застыла, глядя на приближающихся монстров. Её лицо было бледным, глаза расширены от ужаса, зрачки сузились до крошечных точек. Она сжимала кухонный нож, но её руки дрожали так сильно, что она едва могла держать его. Она открыла рот, чтобы закричать, но вместо крика из её горла вырвался истерический смех. Смех был надрывным, как у человека, который осознал, что всё кончено, и уже не пытается бороться. Он эхом разносился по пустому двору, смешиваясь с рычанием морфов.

Она закрыла глаза, готовясь к смерти. Слёзы текли по её щекам, и она чувствовала, как холод пробегает по телу. Валентин шагнул вперёд, пытаясь заслонить её собой, но знал, что это бесполезно. Морфы были слишком сильными. Слишком быстрыми. Слишком голодными. Первый морф, тот, что был справа, уже приготовился к прыжку. Его мышцы напряглись, когти впились в асфальт, и он зарычал низким, гортанным звуком, который заставил всё внутри Валентина сжаться.

И в этот момент раздался грохот. Оглушительный, как гром среди ясного неба. Звук был настолько мощным, что Валентин почувствовал, как вибрация прошла через всё тело, как земля под ногами дрогнула. Один из морфов, который уже готов был прыгнуть, резко остановился и отшатнулся, словно его ударила невидимая сила. Он зарычал, оглянулся и бросился в сторону, скрываясь за гаражами. Его тень мелькнула в темноте и исчезла, и Валентин слышал, как его тяжёлые шаги удаляются вдаль.

Второй морф не успел отреагировать. В следующую секунду его голова взорвалась. Раздался влажный хруст, и туловище рухнуло на землю, едва не придавив Валентина. Кровь и ошмётки плоти разлетелись в разные стороны, оставляя на асфальте тёмные пятна. Валентин отшатнулся, инстинктивно закрывая лицо руками. Он чувствовал, как тёплая кровь попала на его куртку, как что-то мокрое коснулось щеки. Отвратительный запах горелой плоти и пороха ударил в нос, и его вырвало прямо на асфальт.

На несколько секунд воцарилась тишина. Слышно было только, как ветер шевелит листву, и как далеко где-то воют сирены. Валентин медленно опустил руки и поднял голову. Прямо перед ним, на дороге, стоял военный грузовик. Машина была зелёной, с номерными знаками, которые он не разглядел из-за пыли и грязи. В кузове, за крупнокалиберным пулемётом, стоял человек в камуфляже. Его лицо было скрыто тенью, но было видно, как он перезаряжает оружие. Дым от выстрела ещё вился над стволом, и воздух пах гарью.

– Живы? – спросил голос с грузовика. Голос был хриплым, усталым, но в нём слышалась уверенность человека, который привык к смерти.

Валентин не мог говорить. Он просто кивнул, чувствуя, как ноги подкашиваются, а в ушах всё ещё звенит от грохота выстрела. Катя стояла рядом, всё ещё держа нож в руке, но её

лицо было пустым. Она смотрела на мёртвого морфа и молчала. Её руки опустились, и нож выпал из пальцев, звякнув об асфальт.

Из кабины выскочил военный. Он был молодым, лет тридцати, с короткой стрижкой и уставшими глазами. На нём была форма, на ремне – пистолет. Он подошёл к Валентину, оглядел его с ног до головы, проверяя, нет ли ран. Его взгляд был внимательным, профессиональным, как у человека, который знает, что любая царапина может быть смертельной.

– Вы как? Целы? – спросил он, и в его голосе слышалась тревога. – Не укусили? Не царапали? Эти твари опасны не только тем, что убивают, но и тем, что заражают. Если они вас заделали, нужно обработать рану немедленно. Даже небольшая царапина может стать смертельной.

– Нет, – ответил Валентин, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожало. – Мы успели. Они не коснулись нас. Мы просто... шли домой. Мы не ожидали, что они появятся. Мы думали, что через дворы будет безопаснее. Я даже не знал, что такие твари существуют.

– Повезло вам, – сказал военный. – Мы патрулируем район. Слышали шум, решили проверить. Хорошо, что успели. Эти твари – они не простые. Морфы, мы их называем. После того, как заражённый съедает много мяса своего вида, происходит метаморфоза в эту гадость. Они сильные, быстрые. И хитрые. Если бы мы опоздали на минуту...

Он не договорил, но Валентин понял. Он представил, что могло бы случиться, если бы военные не появились. Он представил, как когти морфа вонзаются в его тело, как челюсти смыкаются на его шее. От этих мыслей по спине пробежал холод, и он почувствовал, как его руки начинают дрожать с новой силой.

– Спасибо, – сказал он, чувствуя, как голос срывается. – Вы нас спасли. Если бы не вы...

– Мы делаем то, что можем, – ответил военный. – В городе сейчас полный хаос. Заражённых много, мародёров – ещё больше. Мы стараемся зачищать улицы, но людей не хватает. По возможности помогаем тем, кто не справляется сам. Но нас слишком мало для такого города. На каждый район – один патруль.

Катя всё ещё молчала. Она смотрела на мёртвого морфа, и её лицо оставалось бледным, как у мертвеца. Валентин подошёл к ней, взял за руку. Её пальцы были ледяными.

– Кать, – сказал он мягко. – Кать, ты меня слышишь? Мы живы. Мы выжили. Всё хорошо. Открой глаза, посмотри на меня.

– С ней всё в порядке? – спросил военный, кивая на Катю.

– Шок, – ответил Валентин. – Она просто... слишком много пережила за один день. Мы с утра на работе, потом бежали от заражённых, потом этот морф... Я не знаю, как она держится. Ей нужно отдохнуть.

Военный подошёл к Кате, посмотрел ей в глаза. Она не отреагировала, только перевела взгляд на него, но в нём была пустота.

– Эй, – сказал он мягко. – Вы в порядке? Сейчас всё будет хорошо. Давайте я вам помогу.

Он достал из кармана маленькую аптечку, вытащил таблетку и протянул Кате.

– Это успокоительное, – сказал он. – Примите. Поможет. Вы слишком на взводе. Если не успокоитесь, можете наделать глупостей. Или просто сойти с ума.

Катя посмотрела на таблетку, потом на военного. Она взяла её дрожащими руками и проглотила, запив водой из фляги, которую он ей дал. Через минуту её дыхание стало ровнее, руки перестали трястись, и она, казалось, немного пришла в себя. Она моргнула несколько раз, словно просыпаясь от кошмара.

– Куда вам нужно? – спросил военный. – Мы подвезём. Нельзя вам сейчас по улицам ходить. Здесь опасно, даже днём.

– Домой, – ответил Валентин. – Улица Засопочная, 12. Это недалеко. Мы дойдём сами.

– Садитесь в кузов, – сказал военный. – Быстро доставим. Не рискуйте. У нас есть броня, есть оружие. Мы вас доведём за пару минут. Не стойте здесь, пока кто-то ещё не пришёл.

Валентин помог Кате забраться в кузов. Они сели на скамью, прижавшись друг к другу. Катя положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Военный встал обратно за пулемёт, и машина тронулась.

Они ехали по пустым улицам. Город казался вымершим. Только иногда мимо проносились тени – возможно, люди, возможно, заражённые. Машина проезжала мимо сгоревших машин, мимо разбитых витрин, мимо домов с выбитыми окнами. Где-то в одном из дворов горел костёр, и несколько фигур стояли вокруг него, глядя на проезжающий грузовик. Валентин смотрел на всё это и не мог поверить, что это его родной город. Он был знакомым, но чужим, как будто он попал в чужой мир, где нет места привычной жизни.

– В центре совсем плохо? – спросил Валентин, обращаясь к военному, который сидел рядом с ними в кузове и курил сигарету.

– Хаос, – ответил тот, делая глубокую затяжку. – Но в центре ещё держимся. Есть штаб, есть связь с командованием, есть свет и вода. Но окраины почти полностью захвачены. Заражённые бродят стаями, как волки. Мародёры пользуются ситуацией, грабят магазины, дома, нападают на людей. Мы стараемся зачищать, но нас мало. В городе миллион человек, а военных – пара тысяч. Мы не успеваем. Каждый день приходят новые сводки, и они всё хуже.

– А что с эвакуацией? – спросил Валентин. – Людей вывозят?

– Кого успеваем, – ответил военный. – Но многие отказываются уезжать. Думают, что пересидят, что всё наладится. А оно не налаживается. С каждым днём становится только хуже. Так что если у вас есть оружие – носите с собой. И не бойтесь им пользоваться. Это вопрос жизни и смерти.

– Понял, – сказал Валентин.

– И из дома лучше не выходить, – добавил военный. – Если есть возможность – сидите внутри. Запасайтесь едой, водой. Держитесь подальше от окон. И если увидите мародёров – не вступайте в контакт. Прячьтесь и вызывайте помощь, если есть связь.

– Связи нет, – сказал Валентин. – Мы уже пару дней не можем дозвониться никуда.

– Тогда надейтесь на себя, – ответил военный. – И на соседей. Объединяйтесь. Вместе шансов выжить больше. У нас в некоторых районах люди организовали самооборону, и это работает. Но там, где каждый сам за себя, там быстро всё заканчивается.

Машина подъехала к дому Антонины Михайловны. Валентин узнал знакомый забор, старые деревья, калитку. Всё было на месте, но выглядело по-другому. Над домом стояла тишина, и в окнах горел свет. Дым из трубы не шёл, но видно было, что внутри кто-то есть.

– Приехали, – сказал военный. – Ваш дом. Не забывайте, что я сказал. И удачи вам.

– Спасибо, – сказал Валентин, помогая Кате спуститься на землю. – Вы спасли нам жизнь.

– Удачи вам, – ответил военный.

В этот момент Валентин заметил, что со стороны соседнего дома кто-то приближается. Мужчина. С автоматом в руках. Валентин напрягся. Он узнал этого человека – Саня, его младший брат. Рядом с ним был Тоха, друг Сани. Они подошли ближе. Но военные уже прицелились.

– Свои! – крикнул он. – Не стреляйте!

Солдат кивнул. Машина развернулась и поехала дальше, оставляя их одних на тёмной улице. Валентин подвёл Катю к калитке. Саня опустил автомат. Он выглядел уставшим, на его лице была грязь, а одежда была испачкана кровью. Его глаза были красными, как будто он плакал или не спал несколько дней.

– Валя! – крикнул Саня. – Ты жив!

– Самому ещё не верится, – ответил Валентин. – Военные спасли. Нас чуть не сожрали морфы. Два огромных мутанта. Если бы не патруль...

– Морфы? – переспросил Саня, нахмурившись. – Это ещё что за твари?

– Это заражённые, которые каким-то образом мутируют, когда сожрут много человечины. Огромные, сильные. Они охотятся, как хищники. Нас двое чуть не сожрали, но военные подоспели. У них был крупнокалиберный пулемёт. Один морф сбежал, второй мёртв.

– Повезло, – сказал Тоха. – Мы тоже сегодня много всего пережили. Вы даже не представляете. Нас чуть не убили, потом мы подожгли казино...

– Я вижу, – ответил Валентин. – У тебя автомат. Откуда?

– Снял с того гандона, который нас охранял, – сказал Саня, отводя взгляд. – Второй Тоха снял с того, который невовремя вышел. Ладно, подробности потом. Пошли в дом. Мы не можем стоять на улице, это небезопасно.

Они вошли во двор. Валентин заметил, что снаружи дом выглядел надёжно – окна были заколочены изнутри, калитка заперта на тяжёлый засов. Он постучались на входе. Дверь открыл Сеня, брат Антонины Михайловны. В его руках был топор, и лицо его было сосредоточенным. Он окинул взглядом пришедших, словно проверяя, нет ли среди них опасных. Потом шире открыл дверь и запустил всех внутрь, сразу же закрывая её на засов.

– Слава богу, – сказал Сеня. – Мы уже думали, что вы не вернётесь. Тоня места себе не находила. Я уже хотел идти вас искать, но не знал, куда. Слышал, недалеко стреляли. Думал, может вы на кого-нибудь наткнулись.

– Мы в порядке, – сказал Валентин.

Внутри дома было тепло и уютно. Антонина Михайловна сидела у окна, но, увидев детей, встала и бросилась к ним. Она обняла Валентина, потом Катю, потом Саню и Тоху.

– Вы живы, – прошептала она, едва сдерживая слёзы.

– Все целы, – ответил Валентин. – Всё хорошо.

Они прошли в комнату. Антонина Михайловна уже приготовила чай. В доме было тихо, и только ветер гудел снаружи, завывая в щелях. Все устали, и, когда чай был на столе, они коротко обменялись новостями о том, как прошёл день. Никто не хотел пугать друг друга лишними подробностями, но и замалчивать опасности не могли. Валентин рассказал о морфах, о военных, о том, что в городе творится хаос. Саня рассказал о казино, о том, как они оказались в плену, и как он сжёг здание в отместку. Антонина слушала их с ужасом и сочувствием.

– Телевизор не работает, – сказала Антонина Михайловна. – Только шипит. Мы не знаем, что происходит за пределами нашего района. Но мне кажется, что хуже, чем сегодня, уже не будет. Мы должны держаться вместе. Это единственный способ выжить.

– Мам, не наговаривай, – сказал Валентин. – Скоро всё наладится, военные уже патрулируют город.

– Я надеюсь, – сказала Антонина Михайловна. – Я очень надеюсь.

Вдруг с улицы раздался шум – лай собак. Громкий, тревожный, панический. Собаки лаяли так, как будто увидели что-то ужасное. Все замерли. Сеня, который сидел у окна, выглянул в щель, но из-за заколоченных досок ничего не было видно.

– Что там? – спросил Валентин.

– Кого-то принесло, – ответил Сеня. – Не нравится мне это.

– Может, заражённые подошли? – предположил Тоха.

– Или мародёры, – сказал Саня. – Сейчас такое возможно.

И в этот момент раздались выстрелы. Два. Коротких, сухих. И собаки замолчали. Тишина стала абсолютной, звенящей. Валентин почувствовал, как сердце замерло, а затем начало биться с удвоенной силой. Он понял, что это не случайность. Кто-то пришёл к ним. Кто-то, кто не собирался просто так уходить.

– Я выйду, – сказал Саня, поднимая автомат. – Ты со мной, Тоха? Остальные – в доме. Сидеть тихо и не высовываться. Запирайте дверь. Если мы не крикнем вас через пять минут – не открывайте никому. Даже если будете слышать наши голоса.

Тоха кивнул и крепче сжал автомат. Они вышли во двор, и Валентин закрыл за ними дверь. Сеня стоял у входа с топором, готовый защищать дом. Внутри было тихо, только слышно было, как бьются сердца. Валентин подошёл к окну и попытался увидеть, что происходит во дворе. Через щель между досками он разглядел, как Саня и Тоха подошли к калитке. И замерли.

Во дворе уже были люди. Вооружённые. Восемь человек. Они двигались быстро и уверенно, окружая дом. Это были не заражённые, не случайные прохожие. Это были бандиты. Марат – рослый мужчина в камуфляже – стоял у входа в сарай. Он был безоружен, но его взгляд был ледяным, как у хищника, который поймал добычу. Вокруг него стояли люди с автоматами, их лица были скрыты масками и капюшонами. Саня и Тоха подняли руки, но Марат не торопился их расстреливать. Он смотрел на них с интересом, как на диких животных, которые сами пришли к нему в руки.

– Любите играть с огнём? – сказал Марат Сане. – Ты думал, что мы так просто оставим это дело? Ты думал, что можно сжечь наше казино и остаться безнаказанным? Ты ошибся, парень. Мы не прощаем таких вещей. Артур Давидович был очень недоволен.

– Вы сами виноваты, – ответил Саня, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё дрожало. – Мог бы поблагодарить, что я тебе жизнь оставил.

– Ты не понимаешь, – сказал Марат, качая головой. – Ты не знаешь, что ты натворил, конченный. Ты подписал смертный приговор всей своей семье.

Тоха стоял рядом, но ничего не мог сделать. Он не дурак и понимал, что двое против восьми мало что могут. В доме есть ещё люди, но они безоружны. Ни топор, ни лом против автоматов ничем не помогут.

Марат автомат у одного из своих и небрежно направил его на Саню. Его пальцы уже касались спускового крючка, на лице была лёгкая усмешка. Тоха стоял за спиной Сани, сжимал оружие, не зная, что делать. Марат перевёл взгляд на него и улыбнулся.

Саня сжал кулаки. Внутри него закипала злость, смешанная с отчаянием. Он хотел броситься на Марата, но понимал, что это бесполезно. Он стоял под прицелом и чувствовал, как холодный пот стекает по спине. Он знал, что это конец. И что он подставил всю свою семью из-за своей глупости и гордыни. Он вспомнил мать, Валентина, Катю. Всех, кто был внутри. И понял, что это его вина. Он подвёл всех. Он был готов умереть, но не мог позволить умереть близким. Последнее что пришло ему в голову, это мысль о том, что всё что он сейчас может, это хотя-бы забрать с собой пару этих уродов.

В этот момент что-то скрипнуло сбоку. Какое-то движение. Марат обернулся на звук, и в тот же миг прозвучал одиночный выстрел.

Глава 7

Колонна выезжала из ПГТ Горный уже подготовленной к возможным проблемам в городе. Мы знали, что впереди Чита, а там – неизвестность. Слухи, которые мы слышали в Горном, были невесёлыми: говорили, что в городе хаос, что некоторые районы захвачены, что люди прячутся по подвалам и стреляют в каждого, кто приближается. Путь оказался непростым. Каждый километр давался с кровью, каждый день приносил новые потери, но мы продолжали двигаться вперёд, потому что другого выбора у нас не было.

В Горном удалось выменять немного патронов за алкоголь. Местечко оказалось на удивление живым – люди ходили по улицам, что-то продавали, обменивали. Мы сторговали четыре коробки патронов за ящик водки и три бутылки вискаря. Маловато, но всё же лучше, чем было. Так мы слегка освободили места в багажниках и пополнили запас патронов. Лёня пересчитывал их в машине, хмурился, потом кивнул и сказал: «Ну хоть что-то». Каждый лишний патрон был на вес золота. Раньше я не задумывался о том, сколько стоит одна пуля. Теперь я знал – она стоит жизни. Я смотрел на эти коробки и думал, хватит ли их, чтобы добраться до бабушки, хватит ли, чтобы защитить всех, хватит ли, чтобы увидеть следующий рассвет. В этом новом мире патроны были важнее денег, важнее еды, важнее всего, потому что без них ты просто мясо для заражённых или для мародёров.

Ехали тем же составом. Девятка Лёни впереди, за ней наша ГАЗель, и замыкал колонну УАЗик. Погода была неплохой – майское солнце светило нежарко. Где-то вдалеке виднелись поля. Я смотрел в окно и думал о том, как всё странно устроено. Раньше я жил в Питере, занимался музыкой, записывал треки, выступал в клубах. Потом пришёл апокалипсис, и вся моя прошлая жизнь стала ненужным воспоминанием. Сейчас важно было только одно – выжить и спасти тех, кто мне дорог. Всё остальное потеряло смысл.

Мы проезжали Домну.

Было не просто ехать мимо. У меня там две младших сестры, младший брат и четверо племянников. Я не видел их почти девять лет. Девять лет – целая жизнь. Когда я уезжал в Питер, они были детьми, а теперь у сестры своя семья, свои дети. Я даже не знал, живы ли они. В Домне жила моя мама, две сестры, и брат Ваня. А я проезжал мимо и даже не мог остановиться. Горло сдавило, когда я увидел знакомый поворот. На секунду мне показалось, что я снова подросток, возвращаюсь из школы, и мама ждёт меня с ужином. Но это было иллюзией. В реальности – пустые улицы, брошенные машины и гнетущая тишина. Тишина, которая хуже любого шума, потому что в ней прячется смерть.

Я смотрел в окно на знакомые улицы. Вон там, за поворотом, школа, в которой я учился. Там – магазин, где мы с пацанами покупали жвачку и сигареты. Там – остановка, на которой я ждал автобус в Читу, когда уезжал из дома. Всё это осталось в прошлом, в другой жизни. А сейчас тут стало тише. Раньше здесь былолюдно, машины ездили, дети бегали. Теперь – только ветер и редкие силуэты людей, которые тоже куда-то брели, сторбившись, с тяжёлой поклажей. Я хотел сказать Лёне, чтобы он остановился. Хотел выскочить из машины и навестить своих. Но я не мог. Потому что если я сейчас заеду в Домну, то застряну там надолго. А там, в Чите, бабушка. Сначала нужно добраться туда. Я сжал кулаки и заставил себя смотреть вперёд, а не в окно.

Но я понимал, что сюда нам так и так придётся возвращаться за Таниными родственниками. Да и вообще, во времена, когда нужно держаться подальше от больших городов, Домна идеально подойдёт для того, чтоб бросить там якорь. Частные дома, река рядом, лес. Военная часть поблизости, а значит заражённых много не будет. Другой вопрос, насколько безопасны сами военные? Слухи о них ходили разные. Кто-то говорил, что они помогают людям, раздают

еду, защищают от мародёров. Кто-то – что они сами мародёры, только в форме. Правду узнать было не у кого. В этом мире нельзя было никому доверять, в том числе и тем, кто носит форму.

Таня не могла молча смотреть, как мы проезжаем мимо. Она сидела рядом, смотрела в окно, и я видел, как она напряглась, как её пальцы вцепились в сиденье. Потом она повернулась ко мне, и в глазах у неё стояли слёзы – не от обиды, от отчаяния. Мне стало больно смотреть на неё. Я знал, что она хочет домой. Она хочет увидеть родителей, обнять их, убедиться, что они живы. И я не мог ей этого дать. Это чувство собственной беспомощности было хуже, чем страх смерти. Я мог защитить её от заражённых, от мародёров, от всего, что угрожало нам на дороге. Но я не мог защитить её от тоски по дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.